

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

756

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

(УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIIRIK 756 ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.г.

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

(УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Труды по правоведению

ТАРТУ 1987

Реакционная коллегия: П. Касья (председатель),
П. Ярвелаид, И. Коолмейстер,
Х. Линдмяэ, Э. Сажумаа

Ответственный редактор Р. Марусте

С о д е р ж а н и е

	Стр.
И.А. РЕБАНЕ. О виктимологическом аспекте при назначении наказания	5
I. A. REBANE. Über den victymologischen Aspekt bei der Strafzumessung	
Н.Ф. КУЗНЕЦОВА. Уголовно-правовая профилактика преступлений с учетом социально значимого поведения потерпевшего	21
N. F. KUZNETZOVA. Criminal-legal measures, preventing crimes, regarding the social behaviour of the victim	
Д.А. ШЕСТАКОВ. Взаимоотношения преступника и жертвы в ситуации супружеской измены	27
D. A. SCHESTAKOW. Relations between criminal and victim in adultery situation	
Я.Я. СООТАК. Потерпевший от преступления, совершенного на почве конфликтов между супругами	35
J. J. SOOTAK. Der Geschädigte und die durch die Familienkonflikte verursachten Verbrechen.	
М.П. ШЕШУКОВ. Правотворчество в свете процессуального положения потерпевшего	43
M. P. SHESHUMOV. Law making in the light of the procedural status of a victim	
А.Д. ТАРТАКОВСКИЙ. Виктимологическая классификация потерпевших от преступлений, совершаемых в сфере семейно-брачных отношений	54
A. D. TARTAKOVSKY. Victimological classification of the victims of crimes committed in the sphere of matrimonial relations	
Л.И. АУВЯЭРТ, В. ВАХИНГ, Р.А. МАРУСТЕ. О некоторых проблемах судебно-психологической и психиатрической экспертизы потерпевших при изнасиловании	60

L.I. AUVÄÄRT, V. VAHING, R.A. MARUSTE.	On some problems concerning the psychological and psychiatric testimony given by victims of rape	
У.Э. ЛЬХМУС.	Адвокат - представитель потерпевшего в уголовном процессе	73
	Lawyers as a representative of the victim in criminal procedure	
Х.А. ТЫНИСМЯГИ.	Потерпевшие по делам об изнасилованиях (по материалам судебной практики Эстонской ССР)	80
	Victim in Cases of Rape (On the basis of Court Material of the Estonian SSR)	

О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

И.А. Ребане

д.ю.н., проф. ТГУ

I. Этимологический смысл слова "виктимология" совершенно ясен. Это слово происходит от латинского *victima* - жертва и греческого *logos* - учение. Виктимология в буквальном переводе есть учение о жертве. В юриспруденции "виктимология" как термин понимается несколько уже. Это - учение о жертве, пострадавшем, потерпевшем от правонарушения, в частности от преступления.

Виктимология представляет интерес для различных правовых дисциплин и прежде всего для дисциплин криминального цикла - уголовного права и уголовного процесса и для соответствующих отраслей науки, а также криминологии, правовой психологии, криминалистики и др. Каждая из них изучает пострадавшего от преступления в различном плане, оттеняя в термине "виктимология" различные стороны /20, с. 41-43/. Поэтому направленность виктимологических исследований в различных отраслях правовой науки отнюдь неодинакова. Предметом их является не изучение вообще потерпевшего от преступления, а исследование его исходя из определенного аспекта. Всеобъемлющее учение о потерпевшем от правонарушений в советской юридической науке пока отсутствует.

Как потерпевшего, то есть как одного из участников уголовного процесса, как одного из *субъектов* уголовно-процессуальной деятельности, рассматривают пострадавшего от преступления прежде всего советское уголовно-процессуальное право и наука уголовно-процессуального права. Они занимаются анализом процессуального статуса потерпевшего от престу-

пления, его процессуальных прав и обязанностей, а также его процессуальной деятельности в целом. Уголовно-процессуальное определение понятия потерпевшего содержится в ст. 24, ч. I Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик /ст. 40, ч. I УПК ЭССР/. В ней говорится: "Потерпевшим признается лицо, которому причинен моральный, физический или имущественный вред". П.С. Дагель полагал, что "в силу тесной взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права понятие потерпевшего следует признать единым для этих двух отраслей права" /6, с. 17/. Вместе с тем П.С. Дагель высказал мнение о том, что функции понятия "потерпевший" в уголовном праве и в уголовно-процессуальном праве различны. По его мнению, уголовному праву это понятие необходимо для определения рамок уголовной ответственности и для дифференциации и индивидуализации этой ответственности /6, с. 18/.

Действительно, вряд ли имеются веские основания для конструирования различных понятий потерпевшего от преступления. Как правовое понятие оно едино для всех дисциплин криминального цикла. Определение этого понятия должно основываться на уголовно-процессуальном законе.

Сказанное, однако, вовсе не означает отказа от проведения различия между отдельными подвидами потерпевших в рамках общего понятия о потерпевшем, одним из которых является виктимный потерпевший. Стало быть, и виктимология - лишь часть учения о потерпевшем, а виктимность не есть обязательный признак всех потерпевших, их общая характеристика.

Виктимность определяют по-разному.

По мнению Л.Ф. Франка, виктимность отдельного лица есть не что иное как реализованная преступным актом "предрасположенность", "способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, не способностью избежать опасности там, где она была объективно предотвратима" /20, с. 22/. Близкую к этому определению дефиницию виктимности предлагают Г.В. Антонов-Романовский и А.А. Лютков /2, с. 43/.

Более узко понимает виктимность В.С. Минская. Она полагает, что о виктимности как предрасположенности становиться жертвой преступления можно говорить лишь тогда, когда поведенческий акт потерпевшего "вписывается в событие преступления и несет в себе заряд криминогенности." Таким свойством, по мнению В.С. Минской, обладает отрицательно

оцениваемое, не обязательно противоправное поведение потерпевшего от преступления. При этом она не исключает возможности влияния на генезис преступления социально одобряемого поведения потерпевшего. Однако "социально одобряемое поведение потерпевшего, влияющее на генезис преступного поведения, требует самостоятельного рассмотрения" /12, с. 81/.

Понятие виктимности входит в концептуальный аппарат советской криминологии. В вузовском учебнике по криминологии указывается, что "решение некоторых теоретических проблем и прикладных задач предупреждения преступности требует изучения и личности потерпевших в плане выяснения ее свойств, обуславливающих поведение, которое провоцирует преступные действия или облегчает их (виктимность)". Механизм такого поведения потерпевших качественно различен применительно к отдельным видам преступлений /9, с.105-106/. Поскольку здесь речь идет о предупреждении преступлений, совершение которых провоцируется или облегчается виктимностью потерпевших, то очевидно, что правомерное, общественно полезное поведение потерпевшего не признается криминологией виктимным даже тогда, когда оно играло существенную роль в генезисе совершения преступления. Борьба с правомерным, общественно полезным поведением не входит в арсенал средств предупреждения преступлений.

Термин "предупреждение преступлений" применяется и в уголовно-процессуальном законодательстве для обозначения мер, осуществляемых органами дознания, следователем, прокурором и судом в рамках их процессуальной деятельности с целью устранения причин совершения преступлений и обстоятельств, способствующих их совершению. Поскольку виктимность является одним из таких обстоятельств, то отдельные аспекты виктимности представляют уголовно-процессуальный интерес.

Характер поведения потерпевшего имеет также определенное, подчас весьма существенное уголовно-правовое значение. Нередко от личности потерпевшего и характера его поведения зависит квалификация преступления. Так, например, посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника квалифицируются по ст. 184¹ УК ЭССР тогда, когда преступление было совершено в связи со служебной или общественной деятельностью потерпевшего. По ст. 215 УК ЭССР квалифицируется сопротивление начальнику, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе, если субъектом преступления был военнослужащий, и т.д. В только что

приведенных случаях поведение потерпевшего как с правовой точки зрения, так и с точки зрения нравственной безупречно. Очевидно, что в таких случаях нельзя говорить о виктимности потерпевшего. Вряд ли имеются основания для признания виктимным также новорожденного ребенка, за убийство которого матерью установлена уголовная ответственность ст. 102 УК ЭССР. То же самое следует, как правило, сказать о лице женского пола, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, как потерпевшем от преступления, предусмотренного по ст. 116 УК ЭССР (половое сношение с лицом женского пола, не достигшим шестнадцатилетнего возраста). Исключение составляют здесь только такие случаи, когда сама женщина являлась инициатором вступления в половую связь.

Определенные контингенты лиц нуждаются в усиленной уголовно-правовой охране по различным основаниям. Иногда их общественная или должностная деятельность имеет особо важное общественное значение (работники милиции, народные дружинники и др.). Подчас необходимость усиленной уголовно-правовой охраны вызывается тем, что некоторым лицам угрожает опасность стать при определенных обстоятельствах жертвами общественно опасных посягательств, поскольку им не хватает сил для отражения этих посягательств (несовершеннолетние и др.). Иногда при установлении усиленной уголовно-правовой охраны принимаются во внимание гуманные соображения (например, беременные женщины и др.). Как правило, усиленная уголовно-правовая охрана выражается в повышении наказания за преступные посягательства на эти объекты (значительное понижение наказания за умышленное убийство матерью новорожденного ребенка, предусмотренное ст. 102 УК ЭССР, имеет особые основания, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи).

Во всех вышеуказанных случаях нельзя говорить о виктимности потерпевшего. В советском уголовном праве виктимное поведение имеет значение не отягчающего ответственность обстоятельства, а либо обстоятельства, смягчающего ответственность при назначении наказания, либо обстоятельства, от которого зависит отнесение определенного преступления к менее опасным его видам. Анализ этих случаев, особенно же выяснение причин смягчения ответственности при виктимности поведения потерпевшего, позволяет уточнить и само снятие виктимности потерпевшего от преступления.

2. Что же служит основанием для смягчения ответвен-

ности в тех случаях, когда, выражаясь словами В.С. Минской, "отрицательно оцениваемое обществом поведение потерпевшего вписывается в событие преступления?" Необходимо предостеречь от решения этого вопроса по модели гражданского права.

В соответствии со ст. 88, ч. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик "причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине" (ст. 448, ч. 2 ГК ЭССР), а согласно ст. 93, ч. 1 тех же Основ (ст. 462, ч. 2 ГК ЭССР), "если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего (а при вине причинителя вреда - и в зависимости от степени его вины) размер возмещения, если иное не предусмотрено законом Союза ССР, должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано". Стало быть, советское гражданское право, как общее правило, допускает зачет вины (*culpa compensatio*). Этому вопросу наука советского гражданского права уделяет значительное внимание. Б.С. Антимонов посвятил данной проблеме обширную монографию /1/.

Советскому уголовному праву принцип зачета вины чужд. Между тем отголоски этого принципа можно встретить в науке советского уголовного права. В частности, Л.В. Франк считал, что установление подлинной степени вины и индивидуализация наказания путем "вычета" вины и ответственности самих потерпевших является одной из функций виктимологии. Он также полагал, что задача виктимологии - распознавание истинного содержания различных форм, видов и категорий вины потерпевшего и ее соотношения с виной лица, совершившего преступление, в рамках единой социальной ответственности каждого советского гражданина перед обществом, согражданами и самим собой /20, с. 102, 64/. Суть дела не меняется от того, что слова "вина потерпевшего" поставлены в кавычки и употребляется в условном значении /5, с. 10; 17, с. 13 и мн. др./. На порочность такой терминологии уже было обращено внимание в советской юридической литературе /19, с. 13-14; 13, с. 17-18/.

Зачет или вычет вины при определении размера уголовной ответственности не может иметь места. Уголовная ответственность не преследует цели возмещения убытков либо их распределения между субъектами правонарушений, либо локализации их в имущественной сфере одного из субъектов противоправно-

го поведения, Уголовная ответственность имеет другие основания и лишь с учетом этих оснований может быть решен вопрос о влиянии поведения потерпевшего, в том числе и его виктимного поведения, на размер уголовной ответственности субъекта преступления. С этой точки зрения интерес представляет высказанная Ю.А. Афиногеновым мысль о том, что уменьшение ответственности и наказания в результате неправомерного либо аморального поведения потерпевшего от преступления не может рассматриваться в отрыве от целей и задач наказания /3, с. 45-46/.

3. Под уголовной ответственностью мы подразумеваем осуждение лица за совершенное им преступление приговором суда, вынесенным именем Советского государства, и применение к этому лицу в соответствии с законом наказания с целью охраны социалистического правопорядка /22, с. 88-96/. Уголовная ответственность имеет свои предпосылки и основания. При помощи предпосылок определяется, кто, когда и за что подлежит уголовной ответственности, а вопрос об основаниях этой ответственности сводится к следующему: почему субъект отвечает за вменяемые ему в вину преступные деяния и его общественно опасный результат? /16, с. III-128/.

Следует различать объективное и субъективное основания уголовной ответственности. Объективным основанием уголовной ответственности является общественная опасность совершенного субъектом деяния и его результата, субъективное же основание - это признание деяния избирательным актом поведения субъекта, зависимость этого акта от его собственного решения или по крайней мере - подконтрольность деяния сознанию субъекта.

Вопрос об основаниях правовой ответственности возникает не только в науке советского уголовного права, но и в законодательной и правоприменительной деятельности. В науке уголовного права этот вопрос решается в общетеоретическом плане. В законодательной деятельности основания уголовной ответственности имеют значение при определении пределов этой ответственности и определении критериев, подлежащих учету при назначении судом наказания за конкретное преступление. Суд устанавливает основания уголовной ответственности за конкретное деяние и учитывает их при назначении конкретной меры наказания.

Необходимость различать основания уголовной ответственности вообще и основания уголовной ответственности за

конкретное преступление объясняется тем, что общественная опасность отдельных преступлений весьма многообразна, ее степени бесчисленны, характер ущерба, причиненного преступлениями общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, различен. С другой стороны, относительная свобода воли человека при выборе акта поведения также имеет различные степени и носит различный характер. Именно поэтому обоснование ответственности предполагает обоснование также и ее конкретной меры.

Рассматривая под этим углом зрения значение влияния поведения потерпевшего, в частности его виктимного поведения, на ответственность субъекта преступления, следует прежде всего выяснить, зависит ли степень общественной опасности совершенного преступления также от поведения потерпевшего, а затем уже задаваться вопросам, насколько в результате поведения потерпевшего ограничена свобода выбора субъекта преступления между различными поведенческими актами. В рамках настоящей статьи автор ограничивается анализом виктимологического аспекта при назначении наказания за превышение пределов необходимой обороны и совершение тяжких преступлений против личности в состоянии физиологического аффекта.

4. Превышение пределов необходимой обороны представляет собой ответную реакцию обороняющегося на общественно опасное посягательство другого лица. Если обороняющийся в состоянии душевного волнения, вызванного посягательством, лишается способности взвесить характер опасности и избрать соразмерные посягательству меры защиты, то его ответственность за превышение пределов необходимой обороны исключена вообще /4, с. II, п. 6 ч. I/. Оно и понятно. Отсутствует субъективное основание уголовной ответственности. Если же напряженное состояние, вызванное посягательством, лишь снижает самоконтроль обороняющегося и он сохраняет способность руководить своими действиями, то уголовная ответственность за причинение вреда, выходящее за пределы необходимой обороны, не исключена, ибо субъективное основание этой ответственности налицо. Однако хотя действия обороняющегося в условиях напряженного эмоционального состояния и подконтрольны его сознанию, избирательность акта его поведения все же ограничена. Его сознание оказывается ослабленным. Решение превысить пределы необходимой обороны, то есть совершить преступление, он принимает в обстановке, к которой он не подготовлен, принимает не по убеждению в правильности

такого акта, а потому, что не обладает достаточной выдержкой и не может тщательно обдумать его /12, с. 19/. Это и служит одним из оснований для снижения ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

Верховный Суд Союза ССР придерживается мнения, согласно которому превышение пределов необходимой обороны влечет за собой уголовную ответственность лишь тогда, когда нападающему без надобности умышленно были причинены особо тяжкие телесные повреждения либо он без надобности был умышленно убит. Причинение посягавшему при отражении общественно опасного посягательства вреда по неосторожности ни при каких обстоятельствах не может быть признано действием, наказуемым в уголовном порядке. Подобная неосторожность извинительна. Ошибка относительно момента окончания посягательства также извинительна и исключает уголовную ответственность за причинение нападавшему с целью отражения посягательства вреда /4, с. 11, п. 5 и 7/.

Вызванное общественно опасным посягательством состояние необходимой обороны — фактор, содействующий совершению преступления и существенно влияющий на механизм совершения преступления. Избрание в состоянии необходимой обороны средств защиты, соответствующих характеру и опасности посягательства, требует напряжения всех внутренних сил обороняющегося. Способность мобилизации всех внутренних сил имеет, однако, определенные пределы. Если обороняющийся, превысив пределы необходимой обороны, умышленно причиняет посягавшему тяжкий вред, то он, очевидно, действует сознательно, понимает общественно опасный характер своих действий и причиненных ими последствий. Его поведение, следовательно, подконтрольно сознанию. Но иное положение, если он подобный вред причиняет по неосторожности. Он не сознает общественно опасного характера своих действий и причиненных ими последствий. Эти действия не являются избирательным актом поведения.

Вместе с тем нельзя отрицать, что общественная опасность умышленного убийства и умышленного причинения особо тяжких или тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны снижается хотя и не до таких пределов, чтобы исключать уголовно-правовую общественную опасность деяния вообще.

Общественная опасность конкретного преступления определяется многими обстоятельствами, в том числе и ролью

субъекта в причинении преступного результата, преступной активностью субъекта. В случае превышения пределов необходимой обороны преступление, совершенное обороняющимся, является отдаленным результатом поведения потерпевшего. Его поведение включается в генезис преступления, совершенного лицом, превышающим пределы необходимой обороны /12, с. 81/. Потерпевшего называют даже "соавтором" совершения преступления хотя и не в прямом смысле слова, а в более широком плане /20, с. 63/. Поведение потерпевшего в этих случаях оказывает существенное влияние на психологический механизм совершения преступления, направляет и в известном смысле определяет развитие причинной связи, обуславливающей характер и степень тяжести наступивших последствий /11, с. 23/. Именно "соавторство" потерпевшего в совершении преступления при превышении пределов необходимой обороны снижает общественную опасность этого преступления, а подчас вообще исключает объективное основание уголовной ответственности — уголовно-правовую общественную опасность деяния. Из постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР за № 14 от 16 августа 1984 г. вытекает, что даже умышленное причинение легких телесных повреждений, а также причинение любого имущественного ущерба посягаемому в условиях превышения пределов необходимой обороны уголовно не наказуемо. Отсутствует объективное основание уголовной ответственности.

Разумеется, при назначении наказания за преступное превышение пределов необходимой обороны, кроме степени понижения общественной опасности деяния и ограничения способности совершения выбора между различными вариантами поведения, учитываются и другие обстоятельства, в частности обстоятельства, характеризующие субъекта в качестве объекта карательного воздействия /16, с. 220; 15, с. 20; 23, с. 5/. Субъект преступления в данном случае, как правило, более доступен этому воздействию, он поддается более быстрому исправлению и перевоспитанию. Следует согласиться с В.С. Минской в том, что "чем больше общественная опасность поведения потерпевшего, тем большее влияние оно оказывает на характер действия виновного и, следовательно, тем меньше опасность действий виновного; меньшей должна быть и его ответственность" /13, с. 20/.

Случаи превышения пределов необходимой обороны представляют определенный интерес и с точки зрения "зачета ви-

ны потерпевшего". В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР за № 14 от 16 августа 1984 г. сказано: "Применительно к ч. 1 ст. 93 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик размер возмещения вреда, причиненного лицу при отражении его общественно опасного посягательства, если было допущено превышение пределов необходимой обороны, в зависимости от обстоятельств дела и степени вины обороняющегося и посягавшего должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано.

С лиц, осужденных по ст.ст. 105 и 111 УК РСФСР (статьи 104 и 110 УК ЭССР - И.Р.) и соответствующим статьям УК других союзных республик, взыскание в доход государства средств, затраченных на лечение посягавших, законом не предусмотрено. Лечение последних в соответствии с действующим законодательством производится за их счет" /4, с. 13, п. 17/. Тем самым пленум допускает зачет "вины потерпевшего" только применительно к гражданско-правовым последствиям превышения пределов необходимой обороны.

В судебной практике тем не менее отмечается тенденция зачитывать "вину потерпевшего" в вину субъекта преступления. Смягчая наказание лицу, виновному в преступном превышении пределов необходимой обороны, так как налицо и "вина потерпевшего", суд допускает полное освобождение потерпевшего от уголовной ответственности за общественно опасное посягательство, в результате которого возникло состояние необходимой обороны. В итоге потерпевший ценой причиненного ему при превышении пределов необходимой обороны вреда "искупает" свою вину за общественно опасное посягательство. По изученным нами делам не было ни одного случая привлечения виновного в общественно опасном посягательстве к уголовной ответственности. В большинстве случаев отсутствовали даже постановления следственных органов об отказе в привлечении потерпевших к уголовной ответственности или о прекращении в отношении них дел производством. Никаких оснований для признания подобной практики правильной нет.

5. В действующем советском уголовном законодательстве вопрос об уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны решен весьма неудачно. Статья 33, ч. 1, п. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 37, ч. 1, п. 5 УК ЭССР) в виде общего правила постановляет, что при назначении наказания обстоятельством, смягчающим ответственность, признается "совершение

преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны". Между тем уголовно наказуемое превышение необходимой обороны предусмотрено статьями 104 и 110 УК ЭССР (статьи 105 и 111 УК РСФСР) в виде самостоятельных преступлений. Согласно вышеуказанному постановлению Пленума Верховного Суда Союза ССР, превышение пределов необходимой обороны в других случаях уголовно ненаказуемо. А поскольку превышение пределов необходимой обороны является конститутивным признаком преступлений, предусмотренных статьями 104 и 110 УК ЭССР (статьи 105 и 111 УК РСФСР), то оно не может быть признано обстоятельством, смягчающим ответственность при назначении наказания по этим же статьям. Тем самым указанный пункт ст. 33, ч. I Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик лишается всякого содержания. Бессодержательным оказывается также разъяснение, приводимое в комментариях к УК РСФСР по этому вопросу /8, ст. 38, комм. 19/.

Данный пункт Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (и УК союзных республик) имел бы глубокий смысл тогда, когда в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания рассматривалось бы совершение преступления с целью отражения общественно опасного посягательства либо задержания преступника. Соответствующий пункт в уголовном законе можно было бы изложить в следующей редакции: "совершение преступления с целью отражения общественно опасного посягательства либо задержания преступника". Включение в этот пункт упоминания также о цели задержания преступника необходимо потому, что ст. 13¹ УК ЭССР рассматривает задержание преступника как самостоятельное основание исключения общественной опасности деяния /14, с. 308-310/. Вместе с тем было бы целесообразно дополнить ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 36 УК ЭССР) новой, второй частью в следующей редакции: "Перечисленные в статьях 33 и 34 обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, учитываются судом при назначении наказания при условии, что они не предусмотрены уголовным законом в виде признаков преступления".

6. Вопрос о виктимологическом аспекте возникает и при назначении наказания за преступления, совершенные в состоянии физиологического аффекта. Вместе с тем эта категория дел имеет свою специфику.

Как известно, различают два вида аффекта - патологи-

ческий и физиологический. Патологический аффект не устраняет общественной опасности деяния, но он всегда исключает субъективное основание уголовной ответственности, способность отдавать себе отчет в общественно опасном характере своего поведения и руководить им. Физиологический аффект, наоборот, не исключает ни общественной опасности поведения, то есть объективного основания ответственности, ни ее субъективного основания.

Физиологический аффект в какой-то степени влечет за собой сужение поля сознания, фиксацию на вызвавших его явлениях и снижение контроля над своим поведением. Человек часто действует недостаточно обдуманно, не учитывает в должной мере последствий своего поведения. Обычно у человека в подобной ситуации возможность сознавать то, что он делает, все же не утрачивается, а способность владеть поведением сохраняется. Он может преодолеть аффект /7, с. 161, 165/. Поэтому при физиологическом аффекте субъективное основание уголовной ответственности налицо, однако факт сужения контроля над своим поведением должен быть учтен как обстоятельство, смягчающее ответственность при назначении наказания.

Снижается и общественная опасность преступлений, совершенных в состоянии физиологического аффекта. Обусловлено это теми же обстоятельствами, которые снижают общественную опасность преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. Вместе с тем следует иметь в виду, что сам физиологический аффект вызывается провокационным поведением потерпевшего /20, с. 67, 101; 12, с. 81; 10, с. 20/, которое "вписывается в событие преступления" и включается в развитие причинной связи. И в данном случае можно говорить о "соавторстве" потерпевшего в совершении преступления в вышеизложенном условном смысле,

Нельзя не заметить, что статьи 103 и 109 УК ЭССР относятся к совершению преступления в состоянии в н е з а п н о возникшего с и л ь н о г о душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, к конститутивным признакам менее опасных видов умышленного убийства и особо тяжкого и тяжкого телесных повреждений. Надо полагать, что при этих условиях контроль над своим поведением снижается особенно заметно, а потерпевший своим поведением весьма сильно вторгается в генезис совершения преступления. Диспозиции статей 104 и 110 УК РСФСР сформулированы иначе. Кроме тяжкого оскорбления и насилия со

стороны потерпевшего, они указывают также на иные противозаконные действия потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Не возражая в принципе против подобного дополнения, нельзя все же согласиться с характеристикой поведения потерпевшего как противозаконного. Физиологический аффект может быть вызван также провоцирующим поведением невменяемого лица. Но вряд ли можно говорить о противозаконных действиях лиц, не являющихся деликтоспособными либо по возрасту, либо по психическому состоянию.

Статья 33, ч. I, п. 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 37, ч. I, п. 4 УК ЭССР) признает обстоятельством, смягчающим ответственность, совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. И в данном случае субъект совершает преступление в состоянии физиологического аффекта, однако внезапность возникновения этого аффекта вовсе не требуется. Вместе с тем причиной возникновения аффекта может быть любое неправомерное действие потерпевшего. Неправомерным следует признать не только противозаконное, но и любое противоправное поведение, а также поведение, противоречащее правилам социалистического общежития и нормам коммунистической морали /23, § 37, комм. 5/.

Думается, однако, что и этот перечень неправомерных действий потерпевшего не является исчерпывающим. Более правильным представляется вообще отказаться от термина "неправомерные действия потерпевшего" и заменить его термином "общественно опасные действия потерпевшего", что и является синонимом виктимного поведения. При таком термине вопрос о "вине потерпевшего" не возникает вообще и к причинам возникновения физиологического аффекта относят любые действия потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь тяжкие для виновного или его близких последствия. В то же время в статьях 103 и 109 УК ЭССР должно быть сохранено упоминание о насилии или тяжком оскорблении.

Итак, ст. 33, ч. I, п. 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик было бы целесообразнее изложить в следующей редакции:

"4) совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным поведением потерпевшего".

Вместе с тем предлагается следующая редакция ст. 103 УК ЭССР: "Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иным его общественно опасным поведением, которое повлекло или могло повлечь за собой тяжкие последствия для виновного или его близких".

Соответственно должна быть изменена и ст. 109 УК ЭССР.

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. - М.: Юрид. лит., 1950.
2. Антонов - Романовский Г. В., Лютов А. А. Виктимность и нравственность // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юрид. лит., 1980. - Вып. 33.
3. Афиногенов Ю. А. Личность потерпевшего и цели наказания // Потерпевший от преступления. - Владивосток: Б.и., 1974.
4. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1984, № 5.
5. Дагель П. С. "Вина потерпевшего" в уголовном праве // Советская юстиция. - 1967. - № 6.
6. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. - Владивосток: Б.и., 1974.
7. Калашник Я. М. Судебная психиатрия. - М.: Юрид. лит., 1961.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. - 2-е изд. / Отв. ред. Ю.А. Северин. - М.: Юрид. лит., 1985.
9. Криминология. - М.: Юрид. лит., 1979.
10. Кругликов Л. Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения // Советская юстиция. - 1983. - № 14.
11. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. - М.: Юрид. лит., 1960.
12. Минская В. С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. - 1985. - № 7.
13. Минская В. С. Криминологическое и уголовно-правовое значение поведения потерпевшего // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юрид. лит., 1972. - Вып. 16.
14. Ребане И. О праве граждан на задержание преступника // Советское право. - 1976. - № 5.

15. Ребане И. Об индивидуализации наказания по советскому уголовному праву//Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. - Вып. 447: О вопросах борьбы с преступностью. - Тарту: Б.и., 1978.
16. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок//Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. - Вып. 182: Труды по правоведению У. - Тарту: Б.и., 1966.
17. Рогачевский Л. Виктимологический аспект преступлений, совершенных в состоянии аффекта//Советская юстиция. - 1983. - № 17.
18. Уголовный кодекс Эстонской ССР: Комментированное издание/Сост. И. Ребане. - Таллин: Ээсти Раамат, 1968.
19. Филановский И. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления//Советская юстиция. - 1972. - № 14.
20. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. - Душанбе: Б.и., 1972.
21. Rebane Ilmar. Nõukogude kriminaalõigus: Üldosa: Opetus kuriteost. II osa. 2.vihik. - Tartu: S.n., 1978.
22. Rebane Ilmar. Nõukogude kriminaalõigus: Üldosa: Sisesejuhatuse õpetus kriminaalseadusest. - Tartu: S.n., 1973.
23. Eesti NSV kriminaalkodeksi: Kommenteeritud väljaanne/Koost. I. Rebane. - Tln.: Eesti Raamat, 1980.

Über den victymologischen Aspekt bei der Strafzumessung

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Aufsatz behandelt die Frage der Bedeutung des victymologischen Aspektes bei der Strafzumessung. Zuerst legt der Autor seine Auffassung des Begriffes "Victymologie" fest. Er sagt die Meinung aus, daß das victymologische Verhalten dann vorhanden ist, wenn der Beschädigte bei der Verursachung der Verbrechensfolgen mitgewirkt hat. Darnach stellt der Autor fest, daß der besondere Teil des Strafgesetzbuches der estnischen Sowietrepublik ausreichende Bestimmungen betreffs der Bestrafung der Übertretung der Grenzen der Notwehr enthält. Es ist aber nötig, daß der allgemeine Teil des Strafgesetzbuches den Absicht die Notwehr auszuüben, obwohl die Voraussetzungen der Notwehr nicht vorhanden waren,

als einen mildernden Umstand bei der Strafzumessung auffaßte. Der Aufsatz behandelt auch die Frage der Bestrafung der Verbrechen, die im Zustande des physiologischen Affektes begangen wurden und manche andere Fragen.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

Н.Ф. Кузнецова
д.ю.н., проф. МГУ

1. Виктимология признает три возможных вида поведения потерпевших от преступления: социально-позитивное, социально-нейтральное и социально-негативное. Первое и последнее социально значимы для уголовно-правового регулирования, для стимулирования социально-позитивного и профилактики социально-негативного поведения потерпевших.

Социально-негативное поведение потерпевших, в свою очередь, может быть виновным и невиновным. Объектом уголовно-правовой профилактики выступает лишь виновная виктимность.

2. Вина потерпевшего, его виновное поведение, а также смешанная вина субъекта правонарушения и потерпевшего, как известно, обстоятельно разработаны в гражданском праве и в значительно меньшей мере в уголовном праве. Виктимологический аспект уголовно-правовой профилактики, между тем, играет важную роль в повышении эффективности уголовно-правовой профилактики. Очевидно также, что в соответствии с уголовно-правовыми принципами вины и индивидуализации наказания необходимо по каждому уголовному делу точно соизмерять вину всех причастных к преступлению лиц. На практике, особенно по делам об автотранспортных преступлениях, суды ныне тщательно соизмеряют доли вины правонарушителя и потерпевшего для определения гражданской ответственности и определения объема возмещения материального ущерба, но не делают этого для определения степени уголовно-правовой ответственности, что неверно.

Отсюда, особенно при постоянном и быстром росте числа источников повышенной опасности и криминогенной виктимности лиц, предложения о введении в Основы уголовного законо-

дательства, нормы о смешанной вине заслуживают всемерной поддержки.

3. Виктимное поведение помимо преступлений, связанных с использованием техники, занимает видное место в семейно-бытовой преступности (до 70 % в убийствах и телесных повреждениях, до 50 % и более в хулиганстве). Эта категория преступности абсолютно и относительно растет последние пятнадцать лет. Поэтому возникает потребность в более гибкой уголовно-правовой профилактике подобных преступлений.

4. Виновное поведение потерпевших — наиболее социально-негативная разновидность виктимности, то есть способствующее совершению преступлений поведение потерпевших (виновная виктимность). Вина гражданско-правовая, административная, дисциплинарная, общественная, моральная.

В криминогенной детерминации она выполняет различные функции, которые следует учитывать уголовному закону. Во-первых, она выступает поводом, провоцирующим преступления (типично для бытовой, хулиганской и насильственной преступности), то есть является ситуационным криминогенным условием совершения преступления. Во-вторых, виновная виктимность относится к подсистеме условий криминогенного социально-психологического формирования личности преступника. В-третьих, виновная виктимность порождает сопричинение наряду с субъектом преступления ущерба самому потерпевшему (смешанная вина).

5. В зависимости от названных функций виновная виктимность может быть: а) обстоятельством, изменяющим квалификацию преступления (при смешанной вине) с более на менее квалифицированный состав; б) обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность (виновная виктимность в виде повода) провокации преступления; в) обстоятельством, устранившим уголовную ответственность с заменой ее ответственностью общественной, административной, дисциплинарной, гражданской, моральной; г) обстоятельством, полностью устранившим уголовную ответственность и наказание без замены их иными мерами воздействия (при возбуждении уголовных дел по жалобе потерпевшего с последующим примирением сторон).

6. Подобно ст. 93 Основ гражданского законодательства СССР в Основы уголовного законодательства СССР целесообразно ввести статью, которая бы гласила: "Если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то, в зависимости от степени вины по-

терпевшего, содеянное должно квалифицироваться по статье, предусматривающей ответственность за менее опасное преступление. При определении формы, вида и размера ответственности и наказания суды должны учитывать вину потерпевшего как смягчающее ответственность субъекта преступления обстоятельство".

Виновное виктимное противоправное или аморальное поведение потерпевшего следует включить в перечень смягчающих ответственность обстоятельств.

7. Давно назревшая необходимость, особенно в строгом соответствии со ст. 160 Конституции СССР, в дифференциации уголовных деяний на преступления и уголовные проступки (умышленные преступления с санкцией не более одного года лишения свободы и неосторожные с санкцией не более трех лет лишения свободы) позволят придать виновной виктимности применительно к уголовным проступкам значение обстоятельства, устранивающего уголовную ответственность с заменой ее административной, дисциплинарной, гражданской, общественной.

8. Профилактика семейно-бытовой преступности, традиционно характеризующейся высокой виктимностью, если принять опыт зарубежных социалистических стран, способна интенсифицироваться при установлении порядка возбуждения дел о нетяжких преступлениях данной категории лишь по жалобе потерпевших и прекращения их за примирением сторон. Конструкция нормы может быть в виде общего института освобождения от уголовной ответственности в соответствующем разделе Основ и УК, а также в виде отдельных составов семейно-бытовых преступлений с примечанием, что дела возбуждаются по жалобе потерпевшего и прекращаются за примирением сторон.

9. Заслуживает внимания также такой институт как неограниченное смягчение уголовной ответственности и наказания вплоть до полного освобождения от них, если лицо понесло серьезный физический, моральный и материальный вред в результате совершенного преступления. Например, ст. 60 УК ФРГ предусматривает отказ от наказания при назначении его на срок не более одного года лишения свободы, "если последствия деяния для самого субъекта настолько тяжелы, что назначенное наказание не достигло бы результата. В таких случаях, нередких в автотранспортных преступлениях, хулиганских деяниях, направленных против личности, в семейно-бытовой, неосторожной преступности, субъект преступле-

ния как бы "рикошетом" становится потерпевшим от своего собственного преступления.

10. Социально-позитивное поведение потерпевших еще более значимо для уголовно-правового регулирования. Стимулирование такого поведения предписано ст. 65 Конституции СССР, которая, как известно, обязывает всех граждан к высокой социальной активности в виде пресечения преступлений и защиты правопорядка. Отсюда все возможные случаи посягательств на граждан в связи с их профилактической деятельностью следует признавать в качестве криминализирующих деяний и квалифицирующих преступление факторов. Действующее уголовное законодательство делает это, однако, не в полном объеме. Правильным представляется социально-позитивное поведение потерпевших характеризовать именно профилактической деятельностью согласно ст. 65 Конституции СССР как "содействие охране общественного порядка".

11. Для поощрения социально-позитивной профилактической деятельности потерпевших, осуществляющих право на необходимую оборону и крайнюю необходимость, целесообразно ввести норму, известную всем зарубежным социалистическим УК Европы. Превышение необходимой обороны и условий крайней необходимости устраняет уголовную ответственность лица, которое добровольно заблуждалось относительно неправомерности своих действий, действовало в состоянии страха или душевного волнения. Например, в ст. 29 УК ВНР 1979 г. говорится: "Не подлежит наказанию лицо, превысившее необходимые пределы предотвращения посягательства по той причине, что оно в состоянии страха или оправданного душевного волнения не могло осознавать эти пределы."

Наказание может быть судом неограниченно смягчено, если страх или неоправданное душевное волнение ограничило лицо, совершившее деяние, в осознании необходимого предела предотвращения".

Аналогичные положения содержатся в § 30 УК ВНР о крайней необходимости.

В руководящем Постановлении Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 "О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от открыто опасных посягательств" сказано, что "Судам следует иметь в виду, что в состоянии душевного волнения, вызванного посягательством, обороняющийся не всегда может точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты". Яв-

ляются ли эти случаи превышением необходимой обороны или нет, из цитированного с ясностью вывести нельзя. Будь то законодательное предписание, сомнений не возникало бы.

12. Очевидным, о чем давно писалось в советской уголовно-правовой литературе и что реализовано в социалистическом уголовном законодательстве Европы и республики Куба, должно быть изменение понятия необходимой обороны. Необходимая оборона не только не является "преступлением, подпадающим под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК", как гласит ст. 13 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. Она представляет, напротив, общественно-полезное действие по охране социалистического правопорядка. Именно такую позицию, например, занимает § 2 УК НРБ, который гласит: "Не является общественно опасным деяние, которое совершено при необходимой обороне". УК ПНР в § 2 ст. 22 подчеркивает: "В состоянии необходимой обороны действует в особенности тот, кто выступает с целью восстановления порядка или общественного спокойствия, хотя бы это и не вытекало из обязанностей службы".

13. В перечне обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, следует ввести более широкую формулировку такого обстоятельства, чем превышение пределов необходимой обороны по действующему законодательству. Оно могло бы быть сформулировано, например, так: "совершение преступления в процессе профилактических действий, направленных на охрану правопорядка, прав и интересов граждан". Такая конструкция нормы позволит охватить и превышение необходимой обороны, и несоблюдение условий крайней необходимости, и причинение вреда при задержании преступника, и иные случаи своего рода "превышения профилактики преступлений".

14. В соответствии с принципами вины и индивидуализации ответственности советское уголовное законодательство не может вводить институт "зачета вины" потерпевшего, который в ответ на причинение ему вреда сам совершает преступление. Исключаются также и какие-либо процессуальные ограничения в возбуждении уголовных дел потерпевшим, даже если его преступление слушается по одному делу о преступлении в отношении него (буржуазные УК такие ограничения вводят, см., например, §77 в УК ФРГ "Деяния, совершенные обеими сторонами").

15. Профилактические функции советского уголовного закона существенно возрастут при более полном учете им социально-позитивного и социально-негативного поведения потерпевших от преступлений, при конструкции составов преступлений в Особенных частях республиканского УК.

Criminal-legal measures, preventing crimes,
regarding the social behaviour
of the victim

S u m m a r y

The article by Professor of Moscow University N.F.Kuznetsova considers problems of criminal legal victimology. Guilty victimability of the victim under the Criminal Law should, according to the author, be taken into consideration in the construction of norms of the mixed guilt of the criminal and the victim, compared with those under the Civil Law, as a circumstance mitigating the criminal responsibility of the criminal in corpus delicti in minor crimes, under circumstances excluding the criminal responsibility.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВЫ В СИТУАЦИИ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ

Д.А. Шестаков
к.ю.н., доц. ЛГУ

Известно, что насильственные преступления в настоящее время чаще всего совершаются против членов семьи преступника, в первую очередь, против супругов. Этим обстоятельством можно объяснить усиление внимания криминологов к проблеме супружеского конфликта /1, с. 37-45/. Автором статьи выборочно опрошены лица, отбывающие наказание за совершение тяжких преступлений против жизни и здоровья своих супругов. Больше половины этих преступлений было связано с ревностью, испытанной преступником по отношению к жертве.

Ревность - естественный компонент любовного чувства. Это одна из сторон проявления биопсихологического механизма обеспечения стремления к индивиду противоположного пола. Механизм этот, именуемый половой любовью, состоит в неудовлетворенности, страдании, возникающими в том случае, если объект вожделения не принадлежит любящему и тем более если он принадлежит другому или стремится к другому. Психологи подтверждают существование предусмотрительной, относящейся к будущему и ретроспективной ревности к предшествующему поведению /2, с. 25/. Интенсивность ревности как массового явления, наблюдаемого в обществе, находится в зависимости от социальных условий. Ничто так не разжигает страсть как возникающие на ее пути препятствия. Поэтому в общественных системах, строго контролирующих интимную жизнь, накал любовных страстей достигает апогея. В наше время, когда интимное общение стало доступнее, а значение интимной чистоты уменьшилось, наблюдается ослабление чувства любви между мужчиной и женщиной. В будущем следует ожидать также уменьшения значения ревности как компонента любовного процесса. Однако протест против непостоянства, как внутрен-

ний, так и выражающийся в поступках, станет менее ощутимым лишь в довольно отдаленном будущем. Для этого необходима глубокая перестройка общественного сознания, существенное изменение ряда традиционных взглядов, касающихся общения мужчины и женщины. Теперь же мы имеем возможность наблюдать находящиеся во взаимном противоречии тенденции: к собственному полигамному поведению и неприятию такового со стороны любовного партнера.

Конфликт супружеского непостоянства, разрешающийся насильственным преступлением, как показывает исследование, развивается под воздействием таких факторов как обнаружение измены, сомнение в верности, наличие у мужа или жены добрачных связей. В нашем исследовании в качестве самостоятельного фактора мы выделили также "беспорядочную" половую жизнь, представляющую собой следующую за простым непостоянством ступень и состоящую в частой смене любовных партнеров без предъявления к ним более или менее высоких требований. В данном случае отмечается стремление не к близости ради партнера, а к партнеру ради близости или даже к близости ради близости.

По нашим материалам конфликт непостоянства встречается в 62 % ситуаций, обусловивших агрессию против супруга. 25 % от числа всех преступлений названной категории составили "чистые" конфликты непостоянства, 37 % - конфликты смешанного типа, в которых измена сочеталась с борьбой за доминирование в супружеских отношениях. 38 % изученных преступлений не были связаны с нарушением супружеской верности.

В рамках конфликта непостоянства криминологически значительней установленная, а не предполагаемая измена, прежде всего измена потерпевшего. В качестве компонента криминогенной ситуации неверность потерпевшего выступает в 43,2 % всей совокупности преступлений против супруга (см. табл. I), в том числе 5,0 % приходится на беспорядочную половую жизнь потерпевших.

Криминогенная роль супружеской неверности потерпевшего в условиях смешанного конфликта на 15,0 % выше по сравнению с "чистой" изменой. В одних случаях недостаток взаимопонимания между супругами, частые ссоры способствуют поискам одним из них нового партнера. В других, наоборот, появление любовника повышает придирчивость к супругу. Для самосправдания неверная сторона выискивает недостатки в своем супружестве.

Около половины преступников в массиве ситуаций, связанных с супружеским непостоянством, также имело побочные половые связи. От общего числа насильственных преступлений против супруга это составляет 29,9 %. Надо подчеркнуть, что речь идет не о каких-либо оставшихся незамеченными похождениях, а о фактах неверности, по мнению респондентов, повлиявших на совершение ими акта агрессии.

Интимное прошлое брачного партнера безразлично, как показывают исследования, для обоих полов. Мужчины в этом вопросе проявляют большую взыскательность к женщинам, чем к себе, и большую (почти вдвое), чем сами женщины по отношению к женщинам. Добрачная половая практика потерпевшего в 1,7 раза чаще по сравнению с интимным прошлым преступника оказывает влияние на преступное поведение. Обращает на себя внимание и то, что наличие интимного прошлого преступника играет криминогенную роль практически лишь в условиях смешанного конфликта. "Старые грехи" припоминаются ему, так сказать, заодно с текущими бытовыми претензиями. Что же касается бывших увлечений потерпевшего, то они участвуют в детерминации преступления почти в одинаковой мере в обеих группах (в смешанном конфликте на 0,5 % больше).

Таблица I

Криминогенные факторы
в ситуации супружеской неверности

Ф а к т о р ы	Вид конфликта (в % к числу соответствующих конфликтов)		Доля в массиве преступлений против супруга
	непостоянство	смешанный вид	
Измена потерпевшего	53,2	68,2	38,3
Измена преступника	46,5	50,0	29,9
Добрачные половые связи потерпевшего	13,3	13,8	8,5
Добрачные связи преступника	1,2	12,9	4,9
Беспорядочная половая жизнь потерпевшего	6,7	13,6	5,0
Беспорядочная половая жизнь преступника	1,1	4,5	1,7

Беспорядочная половая жизнь как обстоятельство, ведущее к насилию против супруга, присутствует в 6,7 % всех криминогенных супружеских ситуаций. Такое пристрастие проявляется у потерпевшего в 2,9 раза чаще по сравнению с преступником. У обоих оно в большей мере распространено при смешанном конфликте.

Полученные нами данные позволяют констатировать, что криминогенное значение супружеской измены неравнозначно для формирования преступного поведения у представителей разных полов. Мужчин она травмирует сильнее, о чем свидетельствует большая распространенность преступлений из ревности, совершаемых мужьями. В частности, по нашим данным, касающимся супружеских убийств, потерпевшие мужья на 19,0 % реже нарушали верность по сравнению с потерпевшими женами.

Меньшая виктимность мужчины-изменника может быть понята, если посмотреть на проблему супружеской верности с исторической точки зрения. В мужской ветренности в социальном плане нет ничего нового. Большинство жен с той или иной степенью вероятности допускает возможность периодических увлечений своих супругов. Массовая же неверность женщины - новое явление, одна из форм эмансипации, наблюдающаяся на фоне еще довольно консервативного мужского сознания. Для многих мужчин идеал женщины по-прежнему ассоциируется с нравственным и физическим целомудрием. При объяснении агрессивной реакции необходимо учитывать обе стороны: как не в меру автономное поведение супругов, так и неподготовленность их к столкновению с неожиданными поступками друг друга.

Супружеское непостоянство в разных формах как фактор, способствующий преступлению, чаще (в среднем на 6,73 %) встречается не изолированно, а в сочетании с различными конфликтами доминирования. По всей видимости, напряженность внутри семьи толкает на поиск новых возлюбленных, с одной стороны, а само по себе устремление "из семьи" встречает более негативную реакцию на фоне уже сложившейся конфликтной обстановки, - с другой стороны.

В юридической литературе признается, что всякое преступление эмоционально окрашено и нередко движется эмоцией, подчеркивается профилактическое значение рационального контроля за чувствами /13, с. 169-184/. Изучение уголовных дел, проведенное Т.Г. Шавгулидзе, показало, что 38,1 %

умышленных убийств было совершено в состоянии душевного волнения; 18,1 % в состоянии сильного душевного волнения; 15,0 % в состоянии аффекта; 10,0 % были связаны с иными эмоциональными переживаниями /4, с. 174-175/. Не нуждается в доказательствах то огромное значение, которое имеет эмоциональное напряжение при совершении преступления в условиях супружеского конфликта. Особенно это относится к преступлениям, обусловленным неверностью. Известный болгарский исследователь любовных отношений К. Василев пишет: "Значение половой любви столь велико, что когда она не удовлетворена или подавлена, это обычно влечет за собой глубокую личную трагедию" /5, с. 356/.

В свое время автором статьи были описаны роль эмоций в преступлении против супруга и методы управления ими. Половая любовь нами рассматривается как некий обеспечивающий стремление к конкретному лицу противоположного пола биосоциальный механизм, назначение которого - продление рода. Действие этого механизма сопровождается изменениями интенсивности и окраски чувства, связанного с данным лицом.

Отношение типа "мужчина-женщина" складывается в систему, когда между партнерами возникает эмоциональная зависимость, препятствующая разрыву. Помимо прочего она проявляется в отрицательной обратной связи между направленностью инициативы любовных партнеров и интенсивностью эмоционального напряжения. Высокая экстравертность одного порождает обострение чувства другого /6, с. 62-81/.

Согласно самооценкам душевного состояния лиц, совершивших насильственное преступление против своего супруга (см. таблицу 2), равнодушными к потерпевшему в момент преступления было менее четверти преступников. Остальные испытывали различные, иногда противоречивые чувства. Такие сильные чувства как любовь, ненависть констатирует у себя почти половина обследованных. Иные, менее сильные чувства (симпатия, антипатия и т.п.) переживались каждым третьим преступником.

Среди сильных чувств к потерпевшему чаще отмечается любовь, на 35,6 % чаще по сравнению с ненавистью. Наличие между преступником и потерпевшим эмоциональной связи в виде любви в большей мере показательно для чистого конфликта непостоянства: на 17,0 % чаще, чем в смешанном конфликте. Весьма распространенными, в частности, являются убийства, связанные со стремлением воспрепятствовать уходу любимого. Вот типичные для подобной ситуации показания подсудимого. "Я спросил: "Мне уходить?" Она ответила: "Уходи". Я понял, что

одному мне будет трудно жить и решил убить ее".

Таблица 2

Эмоции в криминогенной ситуации
супружеской неверности

Преобладающее чувство к по- терпевшему	Вид конфликта (в % к числу соответ- ствующих конфликтов)		Доля в массиве преступлений против супруга
	непостоян- ство	смешанный вид	
Любовь	53,3	36,3	41,6
Равнодушие	20,0	13,6	18,3
Ненависть	6,7	9,1	6,0
Иное	20,0	41,0	34,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Эмоциональное состояние мужей, проявляющих агрессию против жен, и жен, проявляющих агрессию против мужей, различается. Эмоции преступников-мужей в обстановке преступления весьма часто обладают социально-половой окраской. От 47 до 52 процентов из них обнаруживают любовь или ненависть к потерпевшей. Удельный вес преступниц-жен с аналогичными эмоциями невелик. Так, например, лишь единицы из обследованных мужеубийц называют любовь в качестве чувства, испытываемого к жертве в момент преступления. От 14 до 18 процентов говорят о ненависти.

Представляется, что подготовка к брачной жизни, воспитание поведения в семье должны освободиться от идеализации человеческих отношений и ориентировать людей на реальную возможность столкновения с неприятностями, вытекающими из нарушения супружеской верности их брачными партнерами. При этом не следует, разумеется, сбрасывать со счетов также пропаганду целесообразности и привлекательности соблюдения интимного постоянства.

Особого внимания заслуживает разработка приемов и методов воспитания самоконтроля за эмоциями в стрессовых ситуациях, организация психологической помощи населению со стороны специалистов. Положительного эффекта можно ожидать от привнесения криминологического аспекта в деятельность психотерапевтической службы, значительную долю деятельности которой в настоящее время, как известно, составляет коррекция неблагополучных семейных отношений.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что насильственные преступления весьма часто совершаются в ситуации конфликта, возникающего на почве супружеской измены и ведущего к тому, что один из супругов становится преступником, а другой — потерпевшим. Анализ взаимоотношений потерпевшего и преступника в подобной ситуации позволяет формулировать криминологические рекомендации, которые должны учитываться обществом в рамках широкой социальной программы совершенствования семейных отношений.

Подготовка к брачной жизни, воспитание поведения в семье должны освободиться от идеализации человеческих отношений и ориентировать людей на реальную возможность столкновения с неприятностями, вытекающими из нарушения супружеской верности их брачными партнерами. Особого внимания заслуживает разработка приемов воспитания контроля за эмоциями в стрессовых ситуациях, организация психологической помощи населению со стороны специалистов. Положительного эффекта можно ожидать от привнесения криминологического аспекта в деятельность психотерапевтической службы.

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. С о б о л е в а С. Б. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопросы борьбы с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1976. — Вып. 25.
- С о о т а к Я. Я. Семейная ссора или преступление? — Таллин: Ээсти Раамат, 1982. — на эст. яз./и др.
2. К а л и н и н а Н. П. Патологическая ревность. — Горький: Волго-Вятск кн. изд-во, 1976.
3. Т к а ч е н к о В. И. Значение эмоций в уголовном праве // Уч. зап. Кишиневского ун-та. — Кишинев: Кишиневский ун-т, 1969. — Т. 105.
4. Ш а в г у л и д з е Т. Г. Эмоции и преступное поведение // Механизм преступного поведения. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 174-175.
5. В а с и л е в К. Любовь. — М.: Прогресс, 1982.
6. Ш е с т а к о в Д. А. Убийства на почве семейных конфликтов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.

Relations between criminal and victim in adultery situation

S u m m a r y

Violent crimes are often committed in a conflict situation which appears on the adultery ground. It results in a fact that one of the partners becomes criminal and the other-victim. Analysis of the relations between victim and criminal permit in such situation to formulate criminological recommendations with in the limits of a large social program for perfecting family relations. Preparation for conjugal life, family education must free people from idealisation of human relations and orient them to real possibility of meeting trouble when matrimonial fidelity is broken by its partners. Special attention should be drawn to elaborate ways for controlling one's emotions under stress and to organise psychological help for population. Positive effect might be reached by introducing criminological aspect into the activity of psychotherapeutical service.

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО НА ПОЧВЕ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Я.Я. Соотак
к.ю.н., доц.ТГУ

I. Анализ поведения потерпевшего от преступления, совершенного на почве конфликтов между супругами, тесно связан с общим контекстом учения о жертве преступления - виктимологии.

Основные понятия советской виктимологии в настоящее время уже разработаны, хотя ко многим вопросам пока еще сохраняются различные подходы. Так, например, В.Д. Ривман утверждает, что существует так называемый нулевой уровень виктимности, нормальная, средняя и потенциальная виктимность всех членов общества, обусловленная существованием в обществе преступности. Индивид не приобретает виктимность, - наоборот, он просто не может быть не виктимным /1, с. 25-27/. Другой подход к понятию виктимности связывает его содержание со специфическими (личностными или ролевыми) свойствами определенных лиц становиться жертвой преступления /2, с. 8/. Последняя точка зрения представляется более правильной, так как дает возможность точнее определить объект исследования. Совершенно правильно отмечает В. П. Коновалов, что понятие виктимности нельзя связывать с формулировкой "акт причинения вреда преступлением", заменяющей привычный термин "преступное деяние" /3, с. 28-29/.

Объектом исследования виктимологии являются специфические свойства личности потерпевшего, ее социальной роли и т.д. независимо от того, являлось ли поведение потерпевшего правомерным или предвзятым с точки зрения права или морали /4, с. 17/. Тем не менее многие авторы связывают виктимность в первую очередь с нежелательным поведением потерпевшего. Так, В.С. Минская утверждает, что личностные свойства потерпевшего включаются в генезис преступления

тогда и постольку, когда и постольку они проявились в поведении провоцирующего характера /5, с. 85/. Интерпретируя сказанное *à contrario* оказывается, что личностные свойства не включаются в генезис преступления, если они не проявляются в провоцирующем поведении. Однако такой подход к вопросу о роли потерпевшего в генезисе преступления необоснованно сужает предмет виктимологии.

Отрицательному поведению потерпевшего основное внимание уделяют и некоторые другие авторы, рассматривающие общие вопросы виктимологии /6, с. 140-141/. Тем не менее, опубликованные данные дают основание утверждать, что доля потерпевших, характеризующихся негативным поведением, составляет 25-33 % от всех потерпевших /7, с. 68/. Это подтверждается и анализом эмпирических данных автора настоящей статьи /8, с. 357-362/. Следовательно, ограничение виктимологических исследований анализом исключительно негативного поведения потерпевшего не раскрывает всех аспектов и возможностей виктимологии. Это наглядно выявляется при изучении специфических вопросов некоторых видов преступлений, в том числе и преступлений в семейно-бытовой сфере.

2. Многие прямые связи между вопросами виктимности и преступлениями в семейно-бытовой сфере рассматривались в работах, посвященных как общим вопросам виктимологии, так и частным проблемам преступлений, связанных с семейными конфликтами. Так, по данным Л.В. Франка, истязание - это преступление, совершаемое мужем против своей жены, причем потерпевшая от истязания, - как правило, женщина, обладающая невысоким культурным уровнем, оторванная от коллектива, занимающаяся преимущественно домашним хозяйством /9, с. 90/. На связи между потерпевшей от истязаний с ее возрастом и разводом брака указывает А. Тартаковский /10, с. 38-39/. В.П. Коновалов обращает внимание на психическое состояние потерпевшего от нанесения телесных повреждений на почве семейно-бытовых конфликтов, утверждая, что потерпевшие от рассматриваемых преступлений имели акцентированную психику, которая связана с их виктимологическим поведением /11, с. 30/. На неудовлетворительный нравственно-психологический климат в семье, в бытовом или производственном окружении, издевательства со стороны супруга или родственников, побоев, оскорбления, создающие обстановку, предшествующую совершению многих так называемых насильственных случайных преступлений, ссылается Ю.В. Голик /12, с. 108/. Д.А. Шестаков ука-

зывает, что супружеская измена увеличивает виктимность жены в большей мере, чем виктимность мужа: доля нарушивших верность потерпевших мужей на 19 % меньше таковой потерпевших женщин /13, с. 59/. Виктимность членов семьи может быть связана и с миграционной активностью (урбанизацией) населения в определенных регионах, поскольку эти явления подчас приводят к ослаблению или разрыву связей индивида с семьей и родственниками. Последнее, в свою очередь, объясняет, почему в таких случаях потерпевшими от тяжких преступлений против личности часто оказываются жены и сожительницы /14, с. 64/.

Однако, судя по опубликованным данным, вышеприведенные исследования касаются частных вопросов виктимизации, отсутствует комплексный анализ связей между виктимностью членов семьи и генезисом семейно-бытового конфликта в целом. Не претендуя на комплексный анализ этой емкой и весьма сложной проблемы, мы остановимся лишь на двух ее аспектах: на роли образа жизни в виктимизации членов семьи и на внутрибрачных психофизиологических факторах, имеющих криминогенный и виктимогенный характер.

3. Образ жизни – это устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сфере труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга /15, с. 27/. Понятие образа жизни охватывает формы жизнедеятельности не только всего общества, но и социальных групп и индивидов. Следовательно, мы можем говорить и об образе жизни семьи. Категория образа жизни может служить соединительным звеном в криминологической теории, связывая отдельные элементы криминогенной ситуации /16, с. 3-9/. Однако нам представляется, что для описания виктимогенной ситуации необходима еще одна категория – стиль жизни, – которую можно определить как выражение индивидуальных личностных черт в пределах, определяемых общими детерминантами образа жизни на уровне конкретного индивида или конкретной группы /17, с. 108/. Разновидности стиля жизни индивида обуславливаются характером человека, его привычками, социальной ролью и т.д. Стиль жизни может быть рассмотрен как категория индивидуального, то есть как явление, отличающееся от других явлений качественной самобытностью.

Стиль жизни свойствен конкретным людям. В браке стал-

живаются два стиля жизни, при этом предполагается, что на их основе будет сформирован общий стиль жизни супругов, который молодым супругам не всегда удастся выработать. Отсюда конфликт между молодыми супругами, находящий свое выражение в грубости и агрессивности, отнюдь не связанных с разновидностями характера одного из супругов /18, с. 85/. Виктимность одного из супругов (чаще всего жены) исходит не только из его личностных свойств (характера, психики и т.д.), но также и из самого брака. Наши эмпирические данные свидетельствуют о том, что по поводу приблизительно трети браков можно говорить о трудностях выработки единого стиля жизни в первые годы супружества /19, с. 20-21/.

В остальных случаях конфликт между супругами продолжается, завершаясь в одних определенных случаях разводом, в других - преступлением. Очевидно, что здесь действуют иные факторы, ведущие к конфликтам и виктимизации одного из супругов. По нашему мнению, существуют два вида таких факторов. Во-первых, в действие вступают внутрибрачные факторы, в результате которых брак остается ареной конфронтации различных стилей жизни супругов. Во-вторых, некоторым супругам удастся выработать единый стиль жизни, но он противоречит нормам социалистического образа жизни. Нам представляется, что если во втором случае конфликт в семье и преступления против одного из супругов можно скорее объяснить действием в семье общих детерминантов преступного поведения, то при анализе описаний конфликта в условиях продолжающейся конфронтации стилей жизни супругов необходимо обратить внимание и на специфические внутрибрачные факторы, диалектические противоречия брака, имеющие самостоятельное значение в деле конфликтности в браке и виктимизации супругов. Естественно, что нередко конфликт между супругами вытекает главным образом из неправильного поведения одного из них (например, скандалы, учиняемые мужем-алкоголиком). Однако конфликтность в семье и виктимность супругов нельзя объяснить без предварительного анализа внутрисемейных факторов, являющихся одной из возможных причин конфликтов независимо от того, виновата в них одна сторона или оба супруга.

4. мы остановимся лишь на одном из внутрисемейных обстоятельств, содействующих конфликтности брака и виктимизации супругов, - на психофизиологических факторах.

Нет сомнения в том, что брак должен удовлетворять сексуальные потребности супругов. Многими исследованиями до-

казано, что существует прямая связь между сексуальной удовлетворенностью в браке и удовлетворенностью браком в целом /20, с. 140/. Состояние стресса, фрустрация и даже невращения зачастую связаны с нарушениями в сексуальной сфере одного из супругов. Источником конфликта между супругами может быть сам невращение. Например, в медицинской литературе описывается следующий случай. Больной в возрасте 29 лет жалуется на практическую невозможность половой жизни ввиду ускоренного семяизвержения при сохраняющемся половом влечении. Видя бесперспективность лечения у специалистов, он пал духом, появилась повышенная возбудимость, частые перепады настроения. Женится на женщине 36 лет, которая относится к нему по-матерински. Сексуальная активность в браке выражается в одном-двух сношениях в месяц, ибо он сознательно избегает близости, выискивая для этого поводы и устраивая скандалы жене /21, с. 63-64/. Из приведенного примера видно, что причина семейного конфликта заключается в болезненном состоянии мужа. Виктимность жены исходит из внутрибрачных и психофизиологических факторов, хотя в этическом плане в конфликте повинен один лишь муж. Нередко конфликт между супругами возникает на почве сексуальной неудовлетворенности жены, которая проявляет недовольство снижением потенции у мужа, оскорбляет его в связи с этим и т.д. /21, с. 103/. Источник подобного конфликта носит явно психофизиологический и внутрисемейный характер, виктимность жены (если допустить, что вышеописанный конфликт перерастает в преступление, в котором потерпевшей оказывается жена) неразрывно связана с брачными отношениями.

В подобных случаях установление виновного и потерпевшего в уголовно-правовом смысле не вызывает затруднений. Достаточно часто (например, в последнем случае, где зачинщиком, источником конфликта является жена) оказывается даже возможным установить ее провоцирующее поведение. Однако констатация провоцирующего поведения потерпевшей в таких случаях вряд ли будет способствовать углубленному изучению истинных причин виктимности сторон, заключающихся в специфике взаимоотношений между участниками конфликта - супругами.

Разумеется, конфликты в семье и виктимность супругов нельзя объяснить исключительно внутрибрачными факторами. Однако семья - это настолько автономная социальная группа, что игнорировать ее собственные, автономные криминальные и виктимогенные факторы недопустимо.

Использованная литература

1. Ривман Д. В. О содержании понятия "виктимность" // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. - Л.: ВПУ МВД СССР, 1974; его же: О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. - Иркутск: Иркутский ун-т, 1980, с. 20.
2. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. - Душанбе: Ирфон, 1977. См. также: П о л у б и н с к и й В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький: Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1979, с. 33.
3. Коновалов В. П. О виктимологическом аспекте профилактики преступлений // Повышение эффективности законодательства в свете решений XXVI съезда КПСС. - Душанбе: Дониш, 1984.
4. Курс Советской криминологии. - М.: Юрид. лит., 1985. Правда, этому правильному общепризнанному мнению противоречит утверждение автора данного параграфа, приведенное через несколько страниц: "Нравственно отрицательное в поведении - это как раз та точка отсчета, с которой начинается проявление интереса криминолога к потерпевшему" (там же, с. 180).
5. Минская В. С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. - 1985. - № 7.
6. Холмст Б. Криминология. Основные проблемы. - М.: Юрид. лит., 1980.
7. Левертова Р. А. Уголовно-правовое и криминологическое значение поведения потерпевшего в бытовых преступлениях // Проблемы групповой и рецидивной преступности. - Омск: Омская Высшая школа МВД СССР, 1981 (см. также: Ч е ч е л ь Г. И. Виктимологические аспекты профилактики умышленных убийств // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. - Томск: Томский гос. ун-т, 1983, с. 169; Курс Советской криминологии. - М.: Юрид. лит., 1985, с. 170.
8. Соостак Я. Я. Некоторые вопросы виктимности супруга // Советское право. - 1980. - № 5.
9. Франк Л. В. Указ. соч.

10. Тартаковский А. Факторы, влияющие на повышенную виктимность потерпевших от истязаний // Укрепление социалистической законности и совершенствование законодательства. - Душанбе: Таджикский ун-т, 1984.
11. Коновалов В. П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. - Иркутск: Иркутский ун-т, 1982.
12. Голлик Ю. В. Случайный преступник. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984.
13. Шестаков Д. А. Убийства на почве семейных конфликтов. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.
14. Алимов С. Б., Антонов - Романовский Г. В. Криминологическое значение изучения конфликтности в основных сферах жизнедеятельности // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. - М.: Всесоюзный ин-т ИИРМПИ, 1981.
15. Толстых В. И. Образ жизни. Понятие, Реальность. Проблемы. - М.: Политиздат, 1975.
16. Кудрявцев В. И. О соединительном звене в криминологической теории // Методология и методика прикладных криминологических исследований. - Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1982.
17. Глезерман Г. Е. Ленин и формирование социалистического образа жизни // Коммунист. - 1974. - № 1. Однако понятие стиля жизни и его связь с образом жизни пока еще разработаны недостаточно.
18. Павек Ф. Развод глазами судьи. - М.: Прогресс, 1976.
19. Соотак Я. Я. Преступления, совершаемые на почве конфликтов между супругами: Автореф. дис. канд. юр. наук. - М.: ВЮЗИ, 1980. Его же: Конфликты и преступления в молодой семье // Молодежь в общественных отношениях развитого социализма. - Ч. I. (Тезисы конференции). - Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та: Прибалтийское отделение Советской социологической ассоциации, 1984, с. 187-188.
20. Юркевич Н. Г. Советская семья. - Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1970. См. также: Досева О. К. Некоторые статистические характеристики сексуального поведения мужчин и женщин, состоящих в браке // Медико-психологические аспекты брака и семьи (Тезисы докладов областной научно-практической конференции. - Харьков: Б. и., 1985, с. 11.

Der Geschädigte und die durch die Familienkonflikte
verursachten Verbrechen

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Viktimität ist mit der charakterlichen Eigenart des Geschädigten oder seiner sozialen Rolle eng verbunden. Doch wäre es fälschlich zu behaupten, man müsse die Viktimität vor allem als unrichtiges, provozierendes Verhalten des Geschädigten betrachten. Die einschlägigen Angaben sowie die Untersuchungen des Verfassers der vorliegenden Arbeit ergeben, daß nur bei einem Drittel aller Verbrechen das unrichtige Verhalten des Geschädigten als Ursache der Viktimität festzustellen ist. In den übrigen Fällen ist die Viktimität der Ehepartner namentlich in den familiären Widersprüchen und anderen mitwirkenden Faktoren zu suchen. Nämlich wird sie oft durch die Gegensätzlichkeit der Lebensweise von Mann und Frau wie auch durch solch eine gemeinsame Lebensweise bedingt, die mit den Grundsätzen der kommunistischen Moral in Widerspruch gerät. Des öfteren entsteht die Viktimität aus den sexuellen Störungen, die zu psychischen Belastungen, Streß, Neurose und Zusammenstößen führen können. Wenn es auch einesteils nicht richtig wäre, die Konflikte und die Viktimität der Ehepartner nur durch die familiären Faktoren zu erklären, darf man andernteils, da die Familie eine derart autonome soziale Gruppe ist, ihre spezifischen, autonomen kriminalgenetischen und viktimogenetischen Faktoren doch außer Acht lassen.

ПРАВОТВОРЧЕСТВО В СВЕТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

М. П. Шешуков
к.ю.н., доц. Латв.ГУ

Развитие общественных отношений, отражая объективные потребности человеческого общества, определенным образом влияет на изменение всех сфер общественной жизни. Не является исключением и такая специфическая ее сфера как уголовное судопроизводство, изменения в котором опосредованы изменениями в нормах законов, его регулирующих.

То обстоятельство, что любые изменения в порядке уголовного судопроизводства обусловлены соответствующими изменениями уголовно-процессуального закона, вынуждает обратить внимание на процесс правотворчества, точнее, в нашем случае, законотворчества, то есть на "фильтр", пропускающий в "машину судопроизводства" лишь те средства, которые действительно улучшают ее функционирование.

В целях наиболее точного отражения объективных потребностей судопроизводства "механизм правотворчества должен непременно включать в себя в качестве элемента первостепенной важности познавательную сторону, имеющую своим предметом социальную действительность, к которой он должен применяться..." /1, с. 82/. Причем познание, будучи частью законотворчества, должно достаточно полно отражать не только то фактическое положение, регулирование которого предполагается скорректировать, но и, в меру возможностей науки уголовного процесса, предвосхитить те последствия, к которым вводимое изменение уголовно-процессуального закона может привести, учитывая при этом многозначность связей любого элемента уголовного судопроизводства как системы.

Результаты познания в ходе законотворческой деятельности подвергаются сначала оценке с точки зрения использова-

ния полученных данных для формирования (изменения) правовой формы, а затем производится выбор того или иного варианта из нескольких возможных на основе полученных в результате познания данных. Это аксиологическая и волевая сторона правотворчества, занимающая особо важное место в его механизме, поскольку речь здесь идет непосредственно о решении по изменению закона.

Наконец, третьей составной частью законотворчества является законодательная техника, где формируется содержание и определяется форма вносимого в закон изменения.

Существующая процедура законотворчества, при строгом ее соблюдении требующая довольно сложной и обстоятельной исследовательской работы, призвана главным образом обеспечить принятие таких изменений в уголовно-процессуальном законе, которые, основываясь на системном подходе к уголовно-процессуальному праву, во-первых, максимально соответствовали бы потребностям предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, защите прав и охраняемых законом интересов граждан, и, во-вторых, упрощали бы текст закона, делая его ясным и понятным, исключали бы неоднозначное толкование отдельных терминов и понятий.

То, что призвана обеспечить процедура законотворчества в сфере уголовного судопроизводства, следует отнести к категории должного. Практически же, если судить хотя бы по состоянию уголовно-процессуального права Латвийской ССР, законодательная деятельность, то есть "сущее", несколько отстоит от "должного", образуя так называемые ножницы. Уже сам факт того, что в УПК ЛатвССР с момента его принятия (6 января 1961 г.) и по настоящее время, то есть за 25 лет, 48 раз вносились изменения, дает основание утверждать, что в законотворческом процессе иногда или недостаточно полно отражались объективные реалии, требующие изменения в правовом регулировании, или эти реалии не в полной мере учитывались законодателем. Частые изменения уголовно-процессуального закона, к тому же, свидетельствовали о его недостаточной стабильности.

Кстати, недостаточная стабильность УПК ЛатвССР не замыкается сама на себе. Она имеет определенное негативное влияние на практику пользования УПК, например, адвокатами, поскольку им порой затруднительно своевременно фиксировать изменения в законе, повторяющиеся, в среднем, почти по два раза в год. Об этом обоснованно указывалось на ежегодной

конференции коллегии адвокатов ЛатвССР "Новое в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве", проходившей в апреле 1983 г. Иногда в неведении относительно происшедших изменений оказываются и отдельные научные работники, рассматривающие, скажем, сроки кассационного обжалования по УПК ЛатвССР в редакции нормы, измененной более 20 лет тому назад /2, с. 72/. А о знании внесенных в уголовно-процессуальные законы изменений гражданами, не связанными по роду своей работы с деятельностью правоохранительных органов, и говорить не приходится.

Но дело не только, вернее, не столько, в этом, сколько в том, что недостаточная стабильность уголовно-процессуального закона способствует формированию у части работников несколько неуважительного отношения к нему как к чисто техническому и нередко формальному правилу, что неизбежно ведет к отступлению от норм уголовно-процессуального закона, нарушению их сущности, а в отдельных случаях и к вынесению незаконного приговора.

Частые изменения уголовно-процессуального закона, как представляется, является следствием относительной неполноты познания предмета (его связей и взаимозависимостей), правовое регулирование которого предполагается изменить, и основанной на этом последующей ошибки в оценке выбора варианта и принятия решения. Ничем иным, например, нельзя объяснить то, что ст. 97, регламентирующая процессуальное положение защитника, и ст. 52 УПК ЛатвССР в части представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, в течение немногим более года изменялись дважды. Вторично изменялись они из-за того, что при первом изменении в соответствующие нормы не были включены представители профессиональных союзов и других общественных организаций, хотя необходимость в этом вытекала из действующего закона. Наряду с относительной неполнотой познания предмета правового регулирования к числу недостатков законотворчества, как уже указывалось выше, относится то, что нередко результаты научных исследований не включаются в процесс законотворчества и выпадают из поля зрения законодателя. Все это, безусловно, ограничивает возможности совершенствования уголовно-процессуального закона.

Высказанное утверждение мы попытаемся рассмотреть более подробно на примере использования в законотворчестве результатов научных исследований процессуального положения

потерпевшего, то есть лица, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены преступлением.

За четверть века действия УПК ЛатвССР в него четырежды вносились изменения, в той или иной мере затрагивающие процессуальное положение потерпевшего. К числу основных изменений следует отнести такие рекомендованные наукой уголовного процесса предложения по дальнейшему расширению прав потерпевшего как наделение его правом знакомиться с материалами прекращенного уголовного дела, наделение представителя возможностью участвовать в процессе наряду с потерпевшим, закреплению перечня обстоятельств, исключающих участие адвоката или представителя общественной организации в качестве представителя потерпевшего, предоставление потерпевшему права участвовать в судебных прениях по любому делу. Некоторые из этих изменений были обусловлены соответствующими изменениями ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Причем надо отметить, что в ст. 24 Основ и после внесения изменений прямо не указывается на право потерпевшего или его представителя участвовать в судебных прениях по любому делу. Это право выводится из замены законодателем выражения "участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии" на выражение "участвовать в судебном разбирательстве", коль скоро участвовать в судебном разбирательстве значит участвовать и в судебных прениях как в одном из этапов судебного разбирательства. Вместе с тем, в той же ст. 24 Основ сохранилась оговорка о праве потерпевшего лично или через своего представителя поддерживать обвинение в случаях, предусмотренных законодательством союзных республик. Сохранение этой оговорки, противоречащей праву потерпевшего участвовать в судебном разбирательстве, может быть расценено не иначе как в качестве издержки законодательной техники, приведшей, однако, к тому, что, например, по УПК РСФСР потерпевшему так и не предоставлено право участвовать в судебных прениях по любому делу. В целях устранения возникшего в ст. 24 Основ внутреннего противоречия следует исключить из ее текста часть третью и в УПК всех союзных республик называть потерпевшего участником судебных прений по любому делу /3, с. 20/.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство Латвийской ССР изменений правового статуса потерпевшего отражает стремление законодателя к дальнейшему расширению

процессуальных прав граждан, потерпевших от преступления, и, тем самым, к повышению эффективности правосудия. Но, в то же время, сопоставление реализованных в законе с высказанными в литературе предложениями *de lege ferenda* показывает, что значительная часть уголовно-процессуального закона осталась нереализованной.

Обратимся первоначально к понятию "потерпевший". Анализ высказанных в литературе взглядов на определение понятия потерпевшего, закрепленное в ст. 24 Основ, дает основание утверждать, что это определение не может быть признано удовлетворительным, поскольку оно не имеет однозначного толкования в науке из-за различий в понимании морального вреда и, кроме того, исключает признание потерпевшим при наличии покушения на права и охраняемые законом интересы гражданина в случаях отсутствия реального вреда /4/. Разногласия в науке ведут к различному решению вопроса о признании потерпевшим на практике. Нельзя считать допустимым положение, когда признание потерпевшим зависит от субъективных представлений, например, следователя об основаниях постановки лица в процессуальное положение потерпевшего, а не основывается на ясно выраженном велении закона. Исходя из этих реалий и стремясь к дальнейшему усилению гарантий прав личности, в науке было высказано предложение, в соответствии с которым потерпевшим должно признаваться лицо, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены преступлением или на них совершено покушение /5, с. 103/. Принятие этого предложения унифицировало бы практику признания потерпевшим, обусловив ее строгими рамками закона, и исключило бы разногласия по этому вопросу в науке. Не исключены и другие варианты понятия потерпевшего. Важно, чтобы определение понятия потерпевшего, как и определение любых понятий, содержащихся в законе и являющихся элементами правовой нормы, было сформулировано наиболее точно и не допускало различных его толкований. Однако, несмотря на прошедшие десятилетия со времени довольно обстоятельного исследования его в науке, этот вопрос и поныне остается нерешенным, хотя, как уже было указано выше, в ст. 24 Основ (ст. 100 УПК ЛатвССР и соответствующие статьи УПК союзных республик) вносились изменения в другом отношении.

С понятием потерпевшего тесно связано и решение вопроса о признании потерпевшими близких родственников лица, погибшего в результате преступления. Если УПК большинства со-

зных республик содержит правило, согласно которому по делам о преступлениях, последствием которых является смерть потерпевшего, правами потерпевшего наделяются его близкие родственники, то УПК ЛатвССР, как и УПК Эстонской, Литовской, Узбекской и Казахской союзных республик такого правила не знают. Отсутствие его означает, что по уголовно-процессуальному законодательству названных союзных республик близкие родственники лица, погибшего от преступления, не могут наделяться правами потерпевшего. Они также не могут ни признаваться потерпевшими, ни выступать в качестве представителя погибшего от преступления лица. Такой вывод есть результат научных исследований и в настоящее время никем не оспаривается. В самом общем виде этот вывод обосновывается тем, что согласно ст. 24 Основ и соответствующих статей УПК союзных республик потерпевшим признается лишь то лицо, которому вред непосредственно причинен преступлением. Близким же родственникам он причиняется опосредованно, через смерть фактически потерпевшего. В этом случае близкие родственники также не могут быть представителями потерпевшего, так как представительство осуществляется в интересах представляемого, то есть живого лица, коль скоро интерес является достоянием живого человека. Нет в живых определенного физического лица — не может быть и его представителя /6/.

Несмотря на отсутствие законных оснований практика судопроизводства в Латвийской ССР идет по пути признания близких родственников погибшего лица потерпевшими по делу. Нет сомнения, что такая практика не противоречит гуманной сущности советского уголовного процесса. Но если это так, то она должна найти законодательное закрепление. В противном случае эта практика несет и будет нести в себе элемент негативного отношения к закону, выражающегося в формировании убеждения о допустимости несоблюдения буквы закона для удовлетворения утилитарных потребностей. Однако следует заметить, что утилитарные потребности могут быть и не такого благородного свойства как в данном случае. Как бы то ни было, факт оставления за пределами законотворческого процесса положения о наделении близких родственников погибшего правами потерпевшего вызывает по меньшей мере недоумение.

Уместно заметить, что в настоящее время в связи с расширением протокольной формы досудебной подготовки мате-

риалов требует более четкого законодательного регулирования признание потерпевшим по такого рода делам. В разделе 9 УПК ЛатвССР, как и в соответствующих разделах УПК других союзных республик, вообще не упоминается о признании потерпевшим при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и предании правонарушителя суду, хотя по пяти составам преступления предполагается пострадавшее от преступления физическое лицо. В целях обеспечения защиты прав и законных интересов этого лица ст. 411 УПК ЛатвССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик следовало бы дополнить указанием на признание потерпевшим, разъяснение ему прав и предоставление возможности ознакомления с материалами дела.

Помимо уточнения понятия потерпевшего некоторой коррекции требует применение термина "потерпевший". Дело в том, что в ныне действующих УПК союзных республик термин "потерпевший" применяется не только в процессуальном, но и в материальном значении. По смыслу ст. 100 УПК ЛатвССР лицо становится в процессуальное положение потерпевшего с момента вынесения о том постановления или определения, что возможно лишь после возбуждения уголовного дела. Но в то же время УПК содержит ст. 111, из названия которой и ее текста следует, что дела частного и частно-публичного обвинения возбуждаются по жалобе потерпевшего, то есть лицо называется потерпевшим еще до возбуждения дела, а, стало быть, и до вынесения постановления или определения о признании потерпевшим. Думается, что неоднозначное применение термина "потерпевший" относится к недостаткам законодательной техники, не способствует ясности и доступности закона и должно быть устранено.

Относительно возбуждения уголовных дел частного и частно-публичного обвинения уместно обратить внимание на недавно высказанное в литературе и заслуживающее поддержки предложение ввести в регулирование порядка возбуждения уголовных дел по жалобе потерпевшего правила, согласно которому дело частного и частно-публичного обвинения не может быть возбуждено прокурором при наличии ясно выраженного возражения лица, пострадавшего от преступления, которое, следовательно, должно быть извещено о намерении прокурора возбудить уголовное дело и у которого надо получить согласие на возбуждение дела или возражение против этого. Предлагаемое правило не распространяется на лицо, страдающее тяжелым

психическим расстройством, и несовершеннолетнего /7, с. 49/.

Научно обоснованные предложения об изменении уголовно-процессуального закона, регламентирующего процессуальное положение потерпевшего, касаются и других аспектов правового статуса этого участника процесса.

С конца 60-х годов и по настоящее время периодически обосновывается необходимость установления в законе возраста потерпевшего, до достижения которого участие в деле его представителя является обязательным /8/. Это предложение по существу является общепризнанным. Дискуссионной остается лишь предполагаемая возрастная граница (15, 16 или 18 лет). Вопрос о том, какой из этих вариантов является наиболее верным, мог бы быть решен в ходе законотворческой процедуры. Попутно напомним, что некоторые аспекты участия в процессе представителя потерпевшего были восприняты законодателем Латвийской ССР. Почему же тогда не было акцентировано рассматриваемое предложение, остается неизвестным. Отказ от его принятия едва ли может быть оправдан.

В науке кроме приведенных предложений, необходимость законодательного закрепления которых является, как мы полагаем, очевидной, содержатся и другие предложения, включение которых в орбиту законотворческого процесса требует дополнительного научного обоснования. Это, например, такие предложения как обязательность вручения потерпевшему копии обвинительного заключения /9, с. 14/, предоставление потерпевшему таких же прав при производстве экспертизы, что и обвиняемому /10, с. 218/, наделение правом знакомиться со всеми материалами дела по окончании не только предварительного следствия, но и дознания; установление обязанности судьи (суда) после предания обвиняемого суду ставить потерпевшего в известность о состоявшемся решении и предоставить потерпевшему право знакомиться с постановлением (определением) об этом /11, с. 20/.

Итак, обзор результатов научных исследований только процессуального положения потерпевшего позволяет прийти к выводу о том, что общественная значимость, трудоемкость и сложность законотворческого процесса требуют от участвующих в нем лиц достоверных и полных (для соответствующего уровня развития науки) знаний о регулируемых уголовно-процессуальным правом общественных отношениях и потребностях в изменении (дополнении) этого регулирования; умения, используя метод системного подхода, охватить тот или иной

институт уголовно-процессуального права в целом во всех его взаимосвязях с тем, чтобы на этой основе одновременно сформулировать весь комплекс нужных для совершенствования правового института изменений. Практика законотворчества показывает, что несоблюдение этих требований, поспешность при выборе решений или их фрагментарность лишь вредят эффективности уголовно-процессуального закона.

Исходя из приведенного выше представления о процессе законотворчества и учитывая длительность действия нынешнего уголовно-процессуального закона, изменения, происшедшие за это время в жизни нашего общества, большое число накопившихся научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона и повышению его эффективности, можно утверждать, что настала пора приступить к планомерной и тщательной разработке проектов нового уголовно-процессуального законодательства союзных республик.

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. Нашиц А. Правотворчество. - М.: Б.и., 1974.
2. Костанов Ю. А., Назаров В. В. Некоторые вопросы регулятивной функции сроков в уголовном судопроизводстве // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Б.и., 1984. - Вып. 40.
3. Савицкий В. М. Насчет терминологии процессуального закона // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. - М.: Б.и., 1985.
4. Дубриный В. А. Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе. - Саратов: Б.и., 1966; Лукашевич В. З. О процессуальном положении потерпевшего в советском уголовном процессе // Вопросы уголовно-процессуального права: Учен. зап. ВУЗИ. - М.: Б.и., 1964. - Вып. 14; Савицкий В. М., Потерпевший в советском уголовном процессе. - М.: Юрид. лит., 1963; Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. - Воронеж: Б.и., 1964; Матвеев С. А. Потерпевший в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Тбилиси: Б.и., 1967; Касимов А. А. Потерпевший по уголовно-процессуальному законодательству Узбекской ССР: Автореф. дис. ... канд. юр. на-

ук. - Ташкент: Б.и., 1965; Мотовиловкер Я. О. Понятие потерпевшего в советском уголовном процессе//Правоведение. - 1969. - № 3; Шешуков М. П. О моральном вреде как основании признания потерпевшим// Правоведение. - 1974. - № 2; Сильчева Н. П. Правовые и психологические основы участия в советском уголовном процессе потерпевшего от преступления: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. - М.: Б.и., 1974; Рыбальская В. Я. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и виктимологическое понятия потерпевшего//Правоведение. - 1976. - № 3.

5. Мотовиловкер Я. О. Цит. соч.; см. также: Шешуков М. П. Цит. соч., с. 103.

6. Степанов В., Шимановский В. Процессуальное положение близких родственников лица, погибшего от преступления//Соц. законность. - 1970. - № 1; Ильина Л. В. Признание потерпевшим в советском уголовном процессе//Учен. зап. Лемского ун-та. - Пермь: Б.и., 1966. - № 150. - С. 104-107; Рыбальская В. Я. Цит. соч., с. 125; Божьев В. П. Представительство, в уголовном процессе//Учен. зап. ВНИИСЗ. - М.: Б.и., 1968, с. 119. - Вып. 15.

7. Петрухин И. Л. Меры защиты правопорядка в уголовном процессе// Совершенствование законодательства о суде и правосудии. - М.: Юрид. лит., 1985.

8. Божьев В. П. Цит. соч.; Кокорев Л. Д., Побегайло Г. Д. Адвокат - представитель потерпевшего. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969, с. 28-29; Сильчева Н. П. Цит. соч., с. 11. Петрухин И. Л. Цит. соч., с. 48; Адаменко В. Д. Процессуальная дееспособность участников уголовного процесса//Правоведение. - 1978. - № 4. - С. 56-59.

9. Сильчева Н. П. Цит. соч., с. 14.

10. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. - М.: Юрид. лит., 1964.

II. Матевосян Г. А. Цит. соч.

Law making in the light of the procedural status of a victim

S u m m a r y

In the article is analysed mainly the law making activities in the Latvian SSR. The analysis of these activities is limited to the legal regulation of the procedural status of a victim of a crime. The results of the scientific researches are formulated as recommendations de lege ferenda and compared with the changes in the legal status of a victim caused by the amendments of the Code of Criminal Procedure of the Latvian SSR in the 25 years while the Code is in force. Deficiencies in all stages - cognitional, axiological and technical of law making are exposed. There are given grounds of suggestions on the necessity for a new Code of Criminal Procedure of the Latvian SSR and other Union Republics likewise.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Д. Тартаковский
к.ю.н., доц. Тадж. ГУ

В виктимологии значительное внимание уделяется классификации личности потерпевших. Такая классификация проводится по различным критериям в зависимости от целей, которым они должны отвечать /1/.

В основу классификации потерпевших от преступлений, совершаемых в сфере семейно-брачных отношений, также могут быть положены различные признаки. Например, по отношению к преступнику могут быть выделены следующие группы потерпевших: жены, сожительницы, дети, а также довольно устойчивая группа - "бывшая жена". Однако эта классификация имеет значение лишь с учетом роли каждой этой группы в генезисе преступления. Наиболее важное значение, на наш взгляд, имеет классификация по характеру поведения потерпевшего. Такого рода классификация, в первую очередь, важна для разработки индивидуальных мер профилактики потерпевших, а также для выяснения степени воздействия различных типов жертв на создание конфликтной ситуации. В соответствии с этим критерием Л.В. Франк выделяет два типа жертв: с упречным поведением, - так называемая "виновная" жертва, которая нарушает как юридические, так и моральные нормы, и не нарушающая каких-либо социальных норм, "невиновная" жертва /12, с. 116-120/. На наш взгляд, такая резкая поляризация поведения потерпевших и одновременно объединение лиц, нарушающих уголовно-правовые нормы, с теми, кто не соблюдает лишь нравственных установок, не позволяет вникнуть в истинную причину конфликтных ситуаций и соответственно разработать индивидуальные профилактические мероприятия. Несомненно, что

необходим более дифференцированный подход при разграничении типов потерпевших по их поведению. В связи с этим, по нашему мнению, правы те авторы, которые различают в упрежном поведении содействие и провокацию /3, с. 31/. При этом под содействием понимается объективное способствование в возникновении и реализации преступного умысла /14, с. 49/, а под провокационной ролью потерпевшего — создание реальной возможности для преступного поведения /15, с. 162/. Однако следует отметить, что в различных видах преступлений к способствующим или провоцирующим факторам могут быть отнесены неоднозначные формы поведения потерпевших. В одних преступлениях легкомысленность, аморальность может спровоцировать преступление, а в других — лишь облегчить его совершение. Причем даже в конкретном преступном акте способствующие и провоцирующие факторы нередко могут быть неоднозначны данному составу преступления в целом. Одновременно некоторые объективно благоприятные для совершения преступления обстоятельства в поведении потерпевших могут быть отнесены ко всем категориям жертв. Так, в делах об истязании, совершаемом в основном в анализируемой сфере социальных отношений, несвоевременное реагирование на насилие, которое, несомненно, оказывает содействие преступнику и дает возможность продолжать посягательства, характерно для несодействующих и провоцирующих потерпевших.

Сложность разграничения потерпевших в зависимости от поведения в таком составе, как истязание, заключается в том, что данный вид преступления является результатом неоднократных, систематических насильственных действий. Каждый акт преступных посягательств в определенной степени неповторим, нередко вызван различными причинами. Соответственно и поведение потерпевшего в том или ином акте преступного посягательства может довольно резко различаться, колеблясь в амплитуде от содействия до провокации. В связи с этим при разграничении потерпевших мы учитывали следующие факты: 1) не нарушаются ли поведением нормы социалистической морали и 2) не нарушаются ли юридические нормы? При ретроспективном анализе поведения потерпевших соблюдалась следующее условие: если потерпевший оказал содействие или спровоцировал преступление лишь в одном преступном акте, он относился нами к несодействующему типу потерпевших. На наш взгляд, в этом виде преступных посягательств поведение жертвы должно быть типичным в большинстве насильственных ак-

тов. Случайность, нехарактерность поведения, вызвавшего в единичном случае антиобщественную реакцию осужденного, не может служить основанием для отнесения потерпевшего к содействующему или провоцирующему типу.

На основании указанных выше критериев мы различаем следующие категории потерпевших:

- 1) не содействующие преступлению;
- 2) содействующие преступлению;
- 3) провоцирующие преступление.

Несодействующие потерпевшие составляют в общем изученном массиве большинство — 79,5 %. Для этой категории потерпевших характерно то, что они не нарушают ни норм нравственности, ни уголовно-правовых запретов и между их поведением и совершением в отношении их преступления отсутствует какая-либо причинная связь. Несодействующие потерпевшие избегают конфронтации с преступником и своим поведением не создают конфликтных ситуаций. Преступления в данном случае являются следствием глубокой и устойчивой антиобщественной установки осужденного, создающего конфликтные ситуации и использующего их для насилий над потерпевшим. Эту группу потерпевших отличает относительно высокий образовательный уровень: большинство из них имели высшее, незаконченное высшее, среднее специальное или среднее образование. Для них не свойственно употребление алкоголя. Несодействующие потерпевшие характеризуются высокой социальной активностью, все они работали и учились.

К группе содействующих (15 %) отнесены потерпевшие, поведение которых противоречило нормам социалистической нравственности, но не нарушало нормы права. При этом такое поведение потерпевшего в определенной степени стимулирует возникновение у осужденного преступного умысла, приводит к конфликтным ситуациям и содействует переходу их в преступление. Такое содействие выражалось в сокрытии продуктов питания и денег от преступника, нетактичном или аморальном поведении в обществе и быту и т.п. действиях. Основной массе потерпевших этой группы в целом не свойственно употребление спиртных напитков, однако в момент насилия около четверти из них находились в разной степени опьянения.

Содействующих потерпевших отличает низкий уровень образования — более половины из них имело неполное среднее, а четверть — начальное образование.

При социальной характеристике этой категории жертв

следует отметить, что более четверти из них порвало активные социальные связи с обществом, а II % фактически превратились в тунеядцев.

Потерпевшие, своим поведением провоцирующие преступника (5,5 %), нарушают как нормы социалистической морали, так и юридические нормы. Преступление является следствием такого поведения потерпевших, которое приводит к конфликтным ситуациям, придает им высокую напряженность и при соответствующих характеристиках личности посягателя с необходимостью ведет к преступным последствиям.

К этой группе отнесены потерпевшие, которые оскорбляли, вплоть до нецензурных выражений, преступника, первыми наносили удары, вели аморальный образ жизни — большинство из них имело интимные связи вне семьи.

Эту категорию потерпевших отличает низкий образовательный уровень — чуть более четверти из них имело только неполное среднее образование; склонность к тунеядству — почти каждая третья жертва не училась и не работала, а также пристрастие к алкоголю — 97 % из них в момент преступления находилась в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, следует отметить, что все ранее судимые потерпевшие находятся в группе провоцирующих жертв.

В качестве одного из оснований для классификации потерпевших может служить их позиция к привлечению преступника к уголовной ответственности. Особенное значение этот фактор имеет в тех преступлениях, где преступником является муж или сожитель, то есть близкое потерпевшему лицо. В таких случаях жертва, несмотря на 'учиненные по отношению к ней насильственные действия, когда дело доходит до суда, нередко проявляет жалость к преступнику. При этом многие потерпевшие не желают осуждения преступника, а надеются на профилактическое воздействие следствия и суда, которое, по их мнению, может предотвратить повторение насилия над ними в будущем. Поэтому часть из них (19,7 %) уже в ходе следствия и судебного разбирательства пытаются смягчить оценку насильственных действий посягателя, а иногда и прямо отрицают их наличие.

Хотя потерпевшие в основном были согласны с обвинением, тем не менее среди отрицавших вину преступника 24,3 % считали приговор чрезмерно суровым, а среди поддерживающих его эта доля составила 3,8 %. Таким образом, можно выделить категорию "всепрощающих" потерпевших, не только смягчающих

вину преступника, но и обратившихся с кассационной жалобой на жесткость приговора, и "непрощающих" потерпевших, поддерживающих обвинение и согласных с назначенным виновному наказанием. Среди "непрощающих" потерпевших имеется незначительная доля (2,6 %) не только поддерживающих обвинение, но и требующих усиления наказания преступнику.

Таблица

Отношение потерпевших к обвинению, %

	Потерпевшие поддерживали обви- нение	Потерпевшие отрицали или смяг- чали вину обвиняе- мого
Потерпевшие ...		
... считали чрезмер- но суровым	3,8	24,3
... считали чрезмер- но мягким	2,6	-
... были согласны с приговором	93,6	75,7
Итого:	100,0	100,0

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. Так, Л. В. Ф р а н к считает возможным классифицировать потерпевших по составу преступления, например, потерпевшие от дорожно-транспортных преступлений, половых и т.п. Основой классификации, по его мнению, может быть характер взаимоотношений между преступником и жертвой, а также зависимость от ряда демографических признаков (например, от возраста, пола, профессии, национальности и др.). См.: Ф р а н к Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. - Душанбе: Ирфон, 1977, с. 86. Несколько иную классификацию предлагает Е. Б а ф и я. Основой ее служит типизация преступлений и ситуаций, зависящих от поведения жертвы. В зависимости от этого преступления и потерпевшие от них подразделяются на семь основных групп. См.: Б а ф и я Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминальной ситуации. - М.: Юрид. лит., 1983, с. 108-111.

2. Франк Л. В. Указ. соч..
3. Рыбальская В. Я. Методика изучения личности потерпевшего. - Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1975; см. также: Твердая И. Н. Поведение потерпевшего и предупреждение преступлений//Потерпевший от преступления. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1974, с. с. 101.
4. Ривман Д. В. Некоторые вопросы изучения личности и поведения потерпевшего от преступления//Преступность и ее предупреждение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.
5. Номоконов В. А. Потерпевший как элемент ситуации совершения преступления//Потерпевший от преступления. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1974; см. также: Холыст Б. Криминология. Основные проблемы. - М.: Юрид. лит., 1980, с. 139-140.

Victimological classification
of the victims of crimes committed
in the sphere of matrimonial relations

S u m m a r y

The article brings the criteria which may serve as the classificatory basis for the victims of crimes committed in the sphere of matrimonial relations. The author suggests that the victims should be differentiated in accordance with their behaviour. In attributing the victims to a particular group the following aspects should be taken into account: a) in the rules of socialist morality haven't been violated; b) if the legal rules haven't been violated?

These criteria serving as the basis, the following three categories of victims are established: those not abetting crime; those abetting crime; and those instigating crime.

The article analyses fundamental, most typical socio-demographic features of victims, peculiar to each of the distinguished groups. It is noted, in particular, that there is greater proportion of the victims not abetting crime with no causal relationship between their behaviour and en-

encroachments in their respect. Violence is mainly connected with the deeply antisocial orientation of the convicted person. In contrast to this group the behaviour of the crime abetting and crime instigating victims influences the criminal consequences; the last category of the victims creating conflict situations due to their personal qualities and making these situations extremely tense.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
И ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШИХ
ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Л.И. Аувязрт, В. Вахинг, Р.А. Марусте
к.п.н., ст.н.с. ТГУ; к.м.н., доц. ТГУ; к.п.н., доц. ТГУ

Сексуальные потребности относятся к группе биологических потребностей. Сексуальные потребности людей не утратили своей биологической природы, хотя при удовлетворении сексуальных потребностей в человеческом обществе все более значительную роль приобретают социальные компоненты. Социальные процессы (в том числе и эмансипация), характерные для нашей эпохи и нашего общества, вносят свои коррективы и в сферу половых отношений.

Нормальное удовлетворение сексуальной потребности — это взаимодействие двух человек — мужчины и женщины. К удовлетворению сексуальной потребности может стремиться либо одна сторона, либо другая, либо обе стороны. Нравственным требованием является при этом полное равноправие сторон и соблюдение свободы воли и неприкосновенности личности. Половая свобода — это возможность взрослого человека свободно определять свое поведение и корректировать его в любой момент в сфере половой жизни /1; 2/. Половое сношение с женщиной с применением насилия или угрозы насилием или с использованием ее беспомощного состояния, как известно, квалифицируется как изнасилование.

Удовлетворение половых потребностей — длительный процесс, не ограничивающийся одним лишь половым сношением. Гуманность и социальность при удовлетворении сексуальных потребностей проявляются и в подготовительный период, и в период, следующий непосредственно за половым сношением. В любой стадии удовлетворения рассматриваемой потребности та или другая сторона может вести себя безнравственно, асо-

циально или антисоциально, применять в большей или меньшей степени насилие по отношению к другой стороне и т.д.

Полное и объективное ретроспективное установление обстоятельств, особенно субъективных, экстремальной эмоциональной ситуации в условиях дефицита доказательств (часто единственным доказательством являются противоречивые показания пострадавшего и обвиняемого) – крайне сложная задача. Поэтому к помощи экспертов следует прибегать лишь в том случае, когда это неминуемо, то есть тогда, когда отсутствуют явные признаки физического насилия и существует версия применения виновным психического насилия или использования им беспомощного состояния потерпевшей.

Мы придерживаемся того мнения, что применение насилия может произойти и неумышленно, или, точнее, пострадавшая может в определенных условиях воспринимать ненасильственное поведение как насильственное. Это относится в первую очередь к группам несовершеннолетних. Нам известен случай, когда только первый обвиняемый применял насилие, а другие обвиняемые, пришедшие на место преступления позже, не применяли никакого насилия. В то же время пострадавшая воспринимала создавшуюся ситуацию как психическое насилие /3/. В данном случае большинство обвиняемых не имели прямого умысла и вообще умысла к применению насилия. Можно говорить лишь о неосторожности в отношении применения насилия. Суд вынес обвинительный приговор всем обвиняемым. Но это спорно еще и потому, что все обвиняемые были несовершеннолетними и у многих это половое сношение было первым, они не имели никакого опыта в сфере половой жизни.

Обычно считают, что изнасилование происходит без содействия потерпевшей. Мы полностью согласны с В.С. Минской, полагающей, что в действительности такое содействие имеется в том случае, когда потерпевшая ведет себя безнравственно в рискованной для нее ситуации. "Рискованная ситуация, – продолжает В.С. Минская, – это ситуация, в которой существует реальная возможность сексуального нападения. Эта ситуация может складываться из таких обстоятельств, как место, время (время года, время суток и др.) и обстановка, в которой развивается действие, интимная обстановка и, как говорят некоторые психологи, "эротическая настроенность" или "сексуально напряженная обстановка" (непристойные жесты или действия, как бы приглашающие к половой связи) /4, с. 21-31/.

Следует, однако, указать и на другие нерешенные проблемы в уголовно-правовой оценке поведения активной стороны (мужчины) и существующей местами тенденции непризнания возможности того, что преступник может явиться и жертвой преступления. Как известно, с субъективной стороны состав изнасилования предполагает прямой умысел. И.А. Ребане подчеркивает, что при рассмотрении дел по изнасилованию необходимо установить, действовал ли виновный с целью совершения полового акта и являлось ли примененное им насилие средством к достижению этой цели /5, с. 301/. Однако надо сразу же отметить, что в этом общепризнанном определении все ясно лишь на первый взгляд. На уровне более глубокого психологического анализа возникает ряд нерешенных проблем. Например, как будто всем ясно, что изнасилование может произойти лишь с прямым умыслом, но прямой умысел для совершения чего? Выше было сказано, что объективная сторона данного преступления — это половое сношение с женщиной с применением насилия или угрозы насилием или использованием беспомощного состояния. Прямой умысел в отношении полового сношения или применения насилия?

Выше мы остановились лишь на некоторых аспектах изнасилования, но они показывают, как сложна эта проблема. Необходимо добавить, что специалисты в области судебной медицины считают, что один мужчина не способен изнасиловать взрослую, физически здоровую и нормально развитую женщину, если он не привязывает ее /6, с. II/. Вполне понятно, что кроме обязательной судебно-медицинской экспертизы в последние десятилетия при расследовании изнасилования все чаще назначают судебно-психиатрические и судебно-психологические или комплексные психолого-психиатрические экспертизы. Одним из пионеров в изучении истории развития (точнее, возрождения) комплексной психолого-психиатрической экспертизы в СССР является Я.М. Яковлев. В 1966 г. он дал всесторонний анализ судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизы по половым преступлениям /8, с. 67-126/. По его мнению, судебно-психиатрическую экспертизу при расследовании дел по изнасилованию целесообразно назначать в отношении обвиняемых при следующих обстоятельствах:

- 1) аномалия полового влечения;
- 2) особая жестокость полового преступления;
- 3) неправильное поведение обвиняемого до, во время

или после совершения преступления;

4) необычность поведения обвиняемого при его допросе или его нелепые показания;

5) обвиняемый раньше лечился в психиатрической больнице или состоял на учете в психоневрологическом диспансере.

Судебно-психиатрическую экспертизу в отношении потерпевшего рекомендуется назначать в следующих случаях:

1) когда возникает подозрение, что заявление явилось следствием болезненного состояния психики, лишавшего женщину возможности правильно воспринимать окружающую действительность и давать правильные показания;

2) когда неясно, являлась ли потерпевшая психически больной во время совершения с ней полового акта и мог ли обвиняемый установить это по ее поведению.

По мнению Я.М. Яковлева, назначение судебно-психологической экспертизы в отношении совершеннолетних лиц целесообразно в тех случаях, когда половое преступление произошло в такой обстановке, которая могла препятствовать правильному восприятию потерпевшей или свидетелем определенных обстоятельств.

При экспертизе малолетней потерпевшей или свидетеля могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Мог ли потерпевший (свидетель), исходя из его возрастной психологии и индивидуальных психических особенностей, правильно воспринимать излагаемые факты?

2. Мог ли малолетний потерпевший (свидетель), исходя из психологии своего возраста и индивидуальных психических особенностей, запомнить и правильно передать обстоятельства, излагаемые в протоколе его допроса?

3. Не явились ли показания данной малолетней потерпевшей (свидетеля) о каких-то фактах результатом ее фантазии или внушения взрослых?

В случае несовершеннолетнего обвиняемого Я.М. Яковлев советует задавать эксперту-психологу следующие вопросы:

1. Нормальному уровню развития какого возраста соответствует фактический уровень развития данного лица?

2. Можно ли с точки зрения психологической науки сделать вывод, что обследуемый, исходя из уровня его интеллектуального развития, не сознавал значения своих общественно-опасных действий?

Как известно, задача судебной психолого-психиатриче-

ской экспертизы несовершеннолетних вытекает из ряда постановлений Пленума Верховного Суда СССР /9/, в которых подчеркивается, что для выяснения уровня умственной отсталости несовершеннолетнего и решения вопросов о том, мог ли он (она) полностью осознавать значение своих действий и в какой мере был (была) способен (способна) руководить ими, должна проводиться экспертиза специалистами в области психологии и психиатрии.

Казалось бы, что задача такого рода экспертизы сформулирована достаточно четко, однако, как показал опыт работы, при ее практической реализации возникает ряд спорных и нерешенных вопросов /7, Кудрявцев и др./.

Во-первых, вопросы чисто организационного порядка. Например, в таких случаях целесообразно назначить обе упомянутые экспертизы отдельно и в каких обстоятельствах комплексно? Если отдельно, то какой должна быть последовательность проведения экспертиз? Например, разноречивые толкования вызывает формулировка "определение умственной отсталости". Н.И. Фелинская, Т.П. Печерникова /7/ и М. М. Коченов /II, с. II4/ считают, что умственную отсталость в этой формулировке можно понять и как уровень психического развития здорового подростка, и как недоразвитие умственной деятельности несовершеннолетнего, страдавшего олигофренией. При таком подходе к проблеме вопрос о том, мог ли несовершеннолетний с болезненными изменениями психики сознавать значение своих действий или руководить ими, решается судебно-психиатрической экспертизой. А в отношении психически здоровых подростков с признаками отставания в умственном развитии, возможна только судебно-психологическая экспертиза (М.М. Коченов) /12/.

Из сказанного следует, что уже на этапе назначения экспертизы при таких случаях встает проблема выбора: какую из экспертиз назначить — судебно-психиатрическую или судебно-психологическую. М.М. Коченов видит выход в последовательном проведении сначала судебно-психиатрической, а затем (в случае вменяемости несовершеннолетнего) судебно-психологической экспертизы. С точки зрения И. А. Кудрявцева, В.В. Гульдана и С.И. Криворучко /13/, все варианты умственной отсталости, в том числе и сугубо психологически обусловленные (педагогической запущенностью), то есть не связанные с душевным заболеванием в узком смысле, могут и должны быть предметом комплексного изучения психолога и психи-

атра.

Пример вышеупомянутой проблемы можно привести и из практики судебно-психиатрической экспертизы с начала 70-х годов, когда в Эстонии комплексные психолого-психиатрические экспертизы еще не проводились.

Экспертиза была проведена 16 ноября 1971 г. в Тартуской республиканской клинической психоневрологической больнице в отношении 15-летней ученицы вспомогательной школы А.С. Было известно, что 24 и 25 марта 1971 г. несколько шоферов находились с ней в половом сношении в одном из общежитий райобъединения. С.А. состоит на учете в психоневрологическом диспансере по поводу слабоумия на стадии дебильности. Педагогическая характеристика свидетельствует о низком уровне знаний исследуемой. Она старается быть внимательной на уроке, у нее хороший почерк, но она не понимает хода событий, не понимает событий общественно-политической жизни. Она много отсутствовала в школе. Ей пытались помочь, давали дополнительные уроки, но ученица быстро устает и в конце дня уже не в состоянии следить за учительницей. Будучи старше других и обладая большим и сильным телосложением, она подвергалась насмешкам других учеников. Во время перемен оставалась одна, со сверстниками не дружила. Участия в жизни классного коллектива она не принимала, в школе и вне школы вела себя вежливо. Любила выполнять физическую работу. Заявила, что первый шофер ее изнасиловал. Понимает понятие изнасилования, как вступление в половое сношение против ее желания. На вопрос о том, почему же она тогда не оказала сопротивления, отвечает, что боялась. Утверждает, что кричала, но тогда ей зажали рот рукой. Другим бывшим с ней в половом сношении шоферам в течение двух дней она больше сопротивления не оказывала. При проведении экспертизы исследуемая полностью осознавала происходящее, ориентировалась всесторонне правильно, но сущности экспертизы как следует не понимала. В беседе немногословна, способ выражения конкретный, примитивный. Отвечала в основном на вопросы, сама рассказывала сбивчиво. Несмотря на это, с ней можно говорить и контактировать и на более общие темы. Ход мыслей прослеживается, логичный. Школьные знания незначительны, недостает способности абстрагировать и обобщать. Духовных интересов нет. Нарушений восприятия и мышления, характерных для душевнобольных, не имеется. Эмоционально незрелая. Высшие чувства не развиты.

Легко поддается влиянию других. Волевая активность низкая. Недостает целеустремленного усвоения школьных знаний. Заключение: исследуемая А.С. характеризуется слабоумием, легкая степень дебильности. Несмотря на это она 24 и 25 марта 1971 г. была в состоянии понимать характер совершенных над ней действий (изнасилование) и может давать о случившемся правдивые показания.

Следствие закончили и дело направили в республиканскую прокуратуру, которая потребовала дополнительной судебно-психиатрической экспертизы пострадавшей. Эксперту задали вопрос о соответствии психического развития несовершеннолетней испытуемой ее паспортному возрасту. При дополнительной экспертизе присутствовал и медицинский психолог (так как проблема и объект исследования находятся в сфере применения психологии и психиатрии). Он провел экспериментально-психологические исследования, на основании которых было дано следующее заключение:

Экспертиза проводилась 27 апреля 1972 г. в Тартуской республиканской клинической психоневрологической больнице. В проведении экспертизы принимал участие также психолог. Данная экспертиза по делу является дополнительной экспертизой. Эксперту был задан следующий вопрос: Какому возрасту развития соответствует умственное развитие С.А.? Результаты психологического исследования выглядят следующим образом: 1) быстрота восприятия простых объектов не нарушена. Тест таблицы *Schulte-Borbovi* в пределах нормы; 2) способность внимания и концентрации оптимальная; 3) объем оперативно-механической памяти значительно понижен; 4) умственную деятельность исследуемой характеризуют в основном а) крайняя неоднородность; б) слабая степень образования более сложных умственных стереотипов; в) недостаточность волевых импульсов и умеренная апатия, которые особенно проявились при решении задач, требующих сложной умственной деятельности; 5) в мышлении исследуемой проявились самые разные нарушения, такие как: а) некритичность; б) при анализе и обобщении исследуемая местами опиралась на так называемые долгие признаки; в) для ее мышления была характерна в некоторой степени выраженная деятельность; г) исходя из формальной точки зрения способность анализа и обобщения исследуемой находились на значительно более низком уровне, чем в среднем у лиц этого же возраста; д) при абстрагировании исследуемая местами высказывала та-

кие связи, для которых характерны необычность и слабая связь с действительностью.

Опираясь на результаты предыдущей экспертизы и дополнительное психологическое исследование, эксперт пришел к заключению, что А.С. слабоумная в степени дебильности. Ее умственное развитие не соответствует ее возрасту, то есть шестнадцати годам. Такой уровень умственного развития, как правило, характерен для 12-13-летних детей.

Подобных экспертиз в отношении несовершеннолетних обвиняемых в нашей республике, по нашим данным, пока еще не проводилось.

Следует отметить, что на данном этапе эта область остается наименее разработанным разделом как судебной психиатрии, так и судебной психологии. Вопрос о соответствии психического развития подростка (14-16 лет) его паспортному возрасту в последнее время задается экспертам все чаще, однако подходы к его разрешению еще не найдены. Правомочность такой постановки не вызывает сомнений, поскольку уголовная ответственность ограничена в законодательном порядке определенными возрастными границами (14 и 16 лет). С другой стороны, неоспоримым фактом действительности является неравномерность психического развития (зрелости).

Ответ на вопрос о соответствии психического развития паспортному возрасту подростка компетентна дать лишь комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Это возможно при наличии соответствующих общих возрастных норм психического развития (личностной зрелости) 14- и 16-летних подростков, 2) методики измерения (диагностики) и 3) общепризнанной градации психической (личностной) незрелости с соответствующими правовыми значениями.

Если комплексная экспертиза установит, что психическое развитие обвиняемого подростка не соответствует его паспортному возрасту, то ввиду бесспорного отсутствия субъективных оснований уголовной ответственности по советскому уголовному праву следует признать, что данное лицо не обладает качествами субъекта преступления и не может нести уголовной ответственности.

При установлении отставания действительного возраста от календарного у пострадавшей существует возможность квалифицировать ее состояние как беспомощное (в зависимости от обстоятельств); при явном (большом) отставании и при условии, что это понимал и воспользовался этим обвиняемый,

деяние может быть квалифицировано как изнасилование несовершеннолетнего, то есть по ч. 3 ст. 115 УК ЭССР.

Как известно, под беспомощным состоянием подразумевается такое состояние потерпевшей, когда она в силу физического или психического состояния (физические недостатки, малолетний возраст, расстройство душевной деятельности и иное болезненное либо бессознательное состояние) не могла понимать характера и значения совершенных с ней действий или не могла оказать сопротивление виновному /16/.

Констатация беспомощного состояния, как и установление невменяемости, относится к компетенции суда. Эксперты (психиатры и психологи) должны оценивать медицинскую и психологическую стороны вопроса о способности потерпевшей в силу специфики своего психического состояния понимать характер совершаемых с нею действий и оказывать сопротивление. При этом не имеет значения, привел ли виновный потерпевшую в такое состояние, напоил ли ее пьяной и т. п., или она находилась в беспомощном состоянии независимо от действий виновного.

В задачу экспертов не входит выявление того, понимал ли обвиняемый, что его жертва находится в беспомощном состоянии вследствие психической болезни, — этот вопрос решается судом.

Из литературных данных известно, что в институте им. проф. Сербского проводились комплексные психолого-психиатрические экспертизы в отношении 37 обвиняемых, среди которых было 22 подростка в возрасте 14–16 лет. 11 несовершеннолетних из 37 были признаны экспертными комиссиями невменяемыми в связи с душевным заболеванием или глубиной расстройств психической деятельности. Психологи, участвовавшие в комплексной экспертизе, представили клиницистам данные о структуре и нарушениях познавательных эмоционально-волевых процессов этих лиц, о личностных расстройствах, необходимые как для дифференциальной диагностики, так и для определения степени имеющихся расстройств. В результате экскульпации несовершеннолетних вопросы суда и следствия, адресованные непосредственно к психологам (например, о соответствии развития несовершеннолетнего его паспортному возрасту либо об индивидуальных психологических особенностях личности и о том, какое отражение они могли найти в совершении противоправных действий и т. д.), теряли свою актуальность и значение, и поэтому ответы на них в акте экс-

пертизы не приводились /14 и 15/.

Изнасилование всегда относится к событиям, вызывающим тягостные переживания, и часто приводит к развитию тех или иных психогенных реакций, от невротических до психотических. Ряд американских авторов, изучавших в последние годы этот вопрос, выделяют специфический "синдром травмы изнасилования", требующий психиатрического наблюдения и лечения /14 и 15/.

В таких случаях психиатры выясняют причинную связь между нанесенной психической травмой и развившимся болезненным расстройством психической деятельности, определяют его нозологическую принадлежность и клинические особенности (глубина психопатологических расстройств и длительность течения).

Различаются два варианта реактивных состояний потерпевших:

- когда вслед за фазой острой аффективной реакции, часто с истерическими проявлениями, возникает относительно медлительное невротическое состояние. Такие лица могут давать показания на следствии и в суде в качестве потерпевших;

- длительная и глубокая реактивная депрессия - реактивный психоз. Одной из особенностей таких депрессий является волнообразность их протекания с очевидными и резкими ухудшениями состояния при попытках расспросов о происшедшем, проведении следственных действий по делу. Нередкими бывают в таких случаях суицидальные попытки. Состояния депрессии длятся тогда обычно до двух-трех месяцев и требуют лечения в условиях психиатрического стационара.

Таким образом, второй вариант, то есть психотическое состояние, оценивается как особо тяжкое телесное повреждение, которое квалифицируется по ч. 4 ст.115 УК ЭССР.

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. А н д р е е в а Л. А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юр.наук. - Л.: Б.и., 1962.
2. О с и п о в П. П. Половые преступления: Общее понятие, социальная сущность и система составов: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Л.: Б.и., 1967.
3. A u v ä ä r t Л. Söprusest kõige mustemates värvides// Noorus. - 1980. - nr. 2.

4. Минская В. С. Опыт виктимологического изучения изнасилования // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юрид.лит., 1972. - Вып. 17.
5. Eesti NSV kriminaalkodeksi: Kommenteeritud väljaanne / Koost. I. Rebane. - Tln.: Eesti Raamat, 1968.
6. Авдеев М. И. Судебная медицина. - М.: Медицина, 1960; см. также: Гофман С. Э. Учебник судебной медицины. - Спб.: Б. и., 1908; Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. - М.: Медицина, 1964.
7. Шостакович Б. В., Парфентева О. В. Особенности судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных правонарушениях // Судебно-психиатрическая экспертиза (Особенности экспертизы несовершеннолетних). - М.: Б. и., 1980, с. 27-33; Кудрявцев И. А., Гульдман В. В., Криворучко С. И. Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних // Судебно-психиатрическая экспертиза (Особенности экспертизы несовершеннолетних). - М.: Б. и., 1980, с. 33-39; Фелинская Н. И., Печерникова Т. П. Компетентия комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. - 1973. - № 12. - С. 44; Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980.
8. Яковлев Я. М. Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений. - Душанбе: Ирфон, 1966.
9. Постановление № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1963. - № 3; О судебной экспертизе по уголовным делам // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1971. - № 2.
10. Постановление № 16 Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. "О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную деятельность" // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1974. - № 1.

11. Коченов М. М. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (к постановке проблемы // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юрид. лит., 1978, с. 114.
12. Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. - М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1980.
13. Кудрявцев И. А., Гульдман В. В., Криворученко С. И. Указ. соч.
14. Бурелов Э. А., Вандаш В. В. Особенности экспертной оценки психических нарушений в период пубертатного кризиса // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии. - М., 1983, с. 129-136.
15. Гурьева В. А. Некоторые вопросы вменяемости при судебно-психиатрической экспертизе несовершеннолетних // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии. - М.: Б.и., 1983.
16. Постановление № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании" // Бюллетень Верховного Суда СССР, - 1964. - № 3. - С. 18-22.

On some problems concerning the psychological and psychiatric testimony given by victims of rape

S u m m a r y

The authors have studied some problems which prove significant in the course of criminal investigation in order to clarify the psychological background to the cases of unwanted sexual intercourse. Reference is made to several new problems which result from the rapid rate of social and biological development of persons and which have never before been come across in the criminal records. It has been the principal task of expert examination to establish the helpless state of victims. Judging by the cases it deserves to be stated that the culprits (men) should also be subjected to psychological-psychiatric examination. Attention is called to the frequent discrepancy between the age and the level of sociobiological development of persons. Therefore the offences committed by youngsters at the age of 14 and 16 require through psychological-psychiatric examination.

АДВОКАТ - ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОТЕРПЕВШЕГО
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

У.Э. Ляхмус
ст. преп. ТГУ

1. Потерпевший - это лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 24 ч. 1 Основ уголовного производства Союза СССР и союзных республик). Если субъектом преступления (обвиняемым) по советскому уголовному праву признается только физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, то признание потерпевшим не зависит от его возраста либо физического или психического состояния.

Потерпевший выступает в уголовном процессе как лично, так и через своего представителя. Представительство в уголовном процессе призвано способствовать осуществлению прав и законных интересов граждан и организаций, соблюдению и укреплению социалистической законности.

В статьях 36¹ и 39 УПК ЭССР (ст. 48 и 50 УПК РСФСР) предусмотрено приглашение, назначение, замена защитника, а также отказ от него. Порядок приглашения, замены представителя потерпевшего и отказа от него не получил законодательной регламентации. В ст. 44 УПК ЭССР лишь указывается, что в качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика могут участвовать в деле адвокаты, а также иные лица по разрешению следователя или суда.

Согласно ст. 9 Закона Союза ССР об адвокатуре в СССР одним видом юридической помощи, оказываемой адвокатами, является участие на предварительном следствии и в суде по уголовным делам в качестве представителей потерпевших. Следовательно, представительство потерпевших - один из видов профессиональной деятельности адвокатов.

Пока не регламентирован в законе порядок приглашения,

замены и отказа представителя потерпевшего, следует придерживаться мнения, согласно которому адвокат выполняет свои обязанности по представительству потерпевшего на основании договора поручения, заключенного потерпевшим или от его имени законным представителем с юридической консультацией. Предметом договора является совершение поверенным в интересах доверителя определенных процессуальных действий.

В литературе высказывалось мнение о том, что юридическая консультация неправомерна принимать поручение от лица, которое еще не признано потерпевшим; ему следует рекомендовать ходатайствовать о признании потерпевшим, разъяснить порядок признания потерпевшим и порядок обжалования действий следователя, прокурора и суда. Утверждается, что адвокат должен убедиться в наличии в деле постановления (определения) о признании этого лица потерпевшим /1, с. 128/. Мы не разделяем этой точки зрения. Права, предусмотренные частью 2 статьи 40 УПК ЭССР (ч. 2 ст. 53 УПК РСФСР), адвокат — представитель потерпевшего действительно может реализовать только после признания лица потерпевшим. Однако действовать в интересах лица, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, адвокат может на основании договора поручения уже до этого акта. Адвокат защищает права и законные интересы гражданина и тем самым выполняет свои функции представителя потерпевшего уже тогда, когда ходатайствует перед лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судьей о вынесении постановления, а судом — определения о признании лица потерпевшим. Для заключения договора о представительстве на основе ст. 394 ГК ЭССР (ст. 396 ГК РСФСР) не требуется, чтобы доверитель был признан потерпевшим. Следует также отметить, что в ст. 136 УПК РСФСР прямо говорится: "О признании потерпевшим следователь уведомляет потерпевшего и его представителя".

2. В уголовно-процессуальных кодексах имеются специальные статьи, посвященные обстоятельствам, исключающим возможность участия в деле лица в качестве представителя потерпевшего. В ч. 2 и 3 ст. 20 УПК ЭССР, озаглавленной "Отвод судьи, прокурора и других участвующих в процессе лиц", указываются случаи, когда адвокат не может быть представителем потерпевшего. К этим случаям относятся следующие: 1) адвокат по данному делу оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицам, интересы которых противоречат интересам представляемого; 2) адвокат ранее участвовал в деле

в качестве судьи, прокурора, следователя, лица, производившего дознание, эксперта, специалиста, переводчика, свидетеля или понятого; 3) адвокат состоит в родственных отношениях с должностным лицом, принимающим участие в рассмотрении дела. Аналогичная норма содержится в ст. 67¹ УПК РСФСР. Однако, если сравнивать эти две статьи, то оказывается, что при наличии вышеуказанных обстоятельств, согласно ст. 67¹ УПК РСФСР, в качестве представителей потерпевших не вправе участвовать в деле адвокаты, представители профессионального союза и другой общественной организации, согласно же ч. 2 и 3 ст. 20 УПК ЭССР, — любые лица, то есть в том числе и законные представители потерпевших. Нам представляется нецелесообразным ограничение участия в процессе законных представителей потерпевших.

В УПК ЭССР не содержится указаний на то, когда можно считать, что адвокат — представитель потерпевшего — состоит в родственных отношениях с должностным лицом, принимающим участие в рассмотрении дела. УПК РСФСР использует также термин "родственные отношения". В ст. 34 УПК РСФСР дано разъяснение термина "близкие родственники".

Согласно перечню, содержащемуся в п. 9 ст. 34 УПК РСФСР, близкими родственниками являются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки и супруг. Спрашивается, какие родственники должностного лица не могут участвовать в процессе в качестве представителя потерпевшего: те, которые перечислены в п. 9 ст. 34 УПК РСФСР, или круг этих лиц еще шире? Мы полагаем расширение круга этих лиц безосновательным.

По основаниям, предусмотренным статьей 20 УПК ЭССР, участники процесса имеют право заявить отвод представителю потерпевшего. На предварительном расследовании вопрос об отводе разрешает прокурор, осуществляющий надзор за расследованием (ч. 2 ст. 119 УПК ЭССР); вопрос об отводе представителей потерпевшего на судебном заседании разрешается судом в полном составе (ч. 7 ст. 232 УПК ЭССР). Это осуществимо тогда, когда представитель потерпевшего уже участвует в деле. Однако, согласно ст. 7 Закона Союза ССР об адвокатуре в СССР, в рассматриваемых случаях адвокат уже не вправе принять поручения об оказании юридической помощи. За нарушение этого требования адвокаты могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. В некоторых же случаях обстоятельства, исключающие возможность участия в деле, вы-

являются после вступления адвоката в дело. В таких случаях адвокат должен отказаться от представительства потерпевшего и известить об этом потерпевшего и заведующего юридической консультацией с тем, чтобы можно было заменить адвоката — представителя потерпевшего.

3. Деятельность адвоката — представителя потерпевшего зависит от процессуального положения последнего. Мы согласны с теми учеными, которые признают принцип состязательности в уголовном процессе /2, с.55 и др./. "Состязательность — это такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны, причем обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела" /3, с. 149/.

Потерпевший участвует в процессе для того, чтобы защищать свои интересы, нарушенные преступлением, чтобы доказать, что преступление было совершено, что этим преступлением ему причинен вред, что ответственность за преступление несет обвиняемый (подсудимый). Это обвинительная деятельность. Потерпевший является обвинителем не только по делам частного обвинения, но по всем делам, по которым он участвует в качестве потерпевшего /4/. Как правильно отметил М.С. Строгович, "осуществление этой обвинительной функции целиком зависит от самого потерпевшего. Потерпевший вправе изобличить, обвинять обвиняемого, но может от этого воздержаться, ограничившись дачей показаний на предварительном следствии и суде" /5/. Потерпевший может содействовать также выяснению обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого, может ходатайствовать о назначении подсудимому более мягкой меры наказания и т.п.

Как было сказано выше, адвокат выполняет свои обязанности по представительству потерпевшего на основе договора поручения. Согласно ст. 395, ч. I ГК ЭССР (ст. 397, ч. I ГК РСФСР) поверенный обязан исполнить данное ему поручение в соответствии с указаниями доверителя. Однако это не значит, что адвокат обязан выполнять все желания потерпевшего. В ст. 7 Закона Союза ССР Об адвокатуре в СССР указывается, что "адвокат обязан в своей деятельности точно и неуклонно соблюдать требования действующего законода-

тельства, использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обратившихся к нему за юридической помощью". Отсюда последователен вывод: адвокат - представитель потерпевшего - защищает только законные интересы потерпевшего при помощи законных средств и способов.

Спрашивается, какой интерес потерпевшего следует считать законным? Законный интерес потерпевшего, по нашему мнению, состоит в том, чтобы при расследовании и судебном разбирательстве дела были полно, всесторонне собраны и проверены все доказательства, чтобы преступные действия обвиняемого (подсудимого) получили верную оценку. Законный интерес потерпевшего заключается также в установлении факта причинения вреда, его размера, в установлении причинной связи между действиями обвиняемого (подсудимого) и наступившим вредом.

Второй вопрос - какие средства и способы являются законными? В ст. 6 Закона Об адвокатуре в СССР говорится о праве адвоката запрашивать через консультацию нужные ему документы из государственных и общественных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии. По нашему мнению, адвокат при выполнении своих функций вправе и сам собирать нужные ему сведения, принимать меры к выявлению лиц, могущих быть свидетелями. Адвокат должен использовать все предусмотренные законом средства и способы, чтобы с полной достоверностью доказывать все обстоятельства, относящиеся к обвинению.

4. Адвокат - представитель потерпевшего - может участвовать в деле как наряду с потерпевшим, так и в его отсутствии, а в некоторых случаях и наряду с законным представителем потерпевшего. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР от I ноября 1985 г. за № 6 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве", в случае, когда потерпевшим является несовершеннолетний, недееспособный либо ограниченно дееспособный, в деле должен участвовать также законный представитель. Там же сказано, что участие законного представителя не исключает возможности и одновременно участия в деле адвоката в качестве представителя потерпевшего /6/. В этих случаях адвокат - представитель потерпевшего - должен согласовывать свою позицию с законным представителем потерпевшего.

По ходу выполнения договора поручения могут возникнуть разногласия в процессуальной позиции потерпевшего и его представителя. Президиум Коллегии адвокатов ЭССР считает, что в тех случаях, когда интересы и цели потерпевшего противоречат закону, это необходимо разъяснить потерпевшему и по возможности добиваться, чтобы последний занял такую позицию, которую адвокат может отстаивать, не причиняя вреда интересам и целям правосудия. Если противоречие с потерпевшим неизбежно, адвокат может отказаться от представительства потерпевшего. Думается, что такое право адвоката вытекает из ст. 399 ГК ЭССР (ст. 401 ГК РСФСР).

Потерпевший также вправе в любой момент производства отказаться от представителя. Когда потерпевшим является несовершеннолетний, недееспособный либо ограниченно дееспособный, отказаться от адвоката — представителя потерпевшего — правомочен, по нашему мнению, законный представитель потерпевшего.

Иногда разногласия в позиции потерпевшего и его представителя могут возникнуть после окончания судебного следствия. Потерпевший считает подсудимого виновным. Адвокат убедился в том, что нет достоверных доказательств вины подсудимого. Как следует поступить адвокату? Конечно, потерпевший может отказаться от помощи адвоката. Но если он этого не делает, то представляется, что адвокат — представитель потерпевшего — вправе и тогда отказаться от представительства потерпевшего.

5. Указом Президиума Верховного Совета от 18 марта 1985 г. ст. 233 УПК ЭССР дополнена частью 2, согласно которой в случае вынесения судом определения об отложении разбирательства дела суд может допросить потерпевшего или его представителя. Указывается также, что если после отложения разбирательства дела оно рассматривается в том же составе суда, вторичный вызов этих лиц в судебное заседание производится лишь в необходимых случаях /7/. Остается неясным, кого подразумевает закон под представителем потерпевшего? Допрос представителя потерпевшего не предусмотрен нормами УПК ЭССР. Если вторичный его вызов зависит от усмотрения суда, то как в таком случае адвокат — представитель потерпевшего — может осуществлять права, предусмотренные статьями 232, ч. 2, 5; 233; 237, ч. 1, 4; 240, ч. 2 и др. УПК ЭССР. Представляется, что слова "или их представителей" следует исключить из текста закона.

Использованная литература

- Щецовский Ю. И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. - М.: Юрид. лит., 1972, с. 123.
2. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. - М.: Наука, 1983; см. также: Советский уголовный процесс/Под ред. М.И.Баженова и Ю.М. Грошевого. - 2-е издание. Киев: Вида школа, 1983, с. 67.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968. - Т. I.
4. Строгович М. С., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. - М.: Юрид. лит., 1963, с. 23.
5. Строгович М. С. Указ. соч., с. 255.
6. См.: Социалистическая законность. - 1986. - № 2. - С. 74.
7. Ведомости ЭССР. - 1985. - № 9. - Ст. 126.

Lawyers as a representative of the victim in criminal procedure

Summary

The victim of the crime is entitled to the assistance of a representative in criminal cases. According to the Law of the Bar of the USSR, representation of the victims in criminal cases is one of the forms of lawyers' professional activities and is effected on the basis of authorization. The provisions of criminal procedure enumerate cases when a lawyers cannot act as a representative of the victim. These cases are analysed in the present paper. In addition, the following problems are dealt with: which interests of the victim are legal, which means can be used by the lawyer for defence, in which cases parties to the authorization relations are entitled to terminate the contract.

ПОТЕРПЕВШИЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИЯХ
(по материалам судебной практики Эстонской ССР)

Х. А. Тынисмяги

зам. прокурора г. Таллина, ст. сов. юст.

Эмпирической базой нашего исследования, источником информации были рассмотренные судами Эстонской ССР с вынесением обвинительного приговора уголовные дела по признакам статьи 115 УК ЭССР. Исследованием был охвачен длительный период и всего 532 потерпевших.

Статистическая обработка сведений проводилась на ЭВМ "Минск-32" Вычислительного центра Тартуского государственного университета.

Программа исследования (анкета-вопросник) содержала 15 характеризующих потерпевших признаков, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Социально-культурный статус потерпевшей (возраст, образование, национальность, партийная принадлежность, семейное положение, род занятий, характеристика по месту работы или учебы, моральный облик).

2. Взаимоотношения между потерпевшей и осужденным (степень знакомства), состояние потерпевшей во время совершения преступления (опьянение, степень опьянения, беспомощное состояние и т.д.).

3. Характер примененного насилия, вид и степень телесных повреждений.

В рамках обстоятельств, способствующих совершению преступления, исследовалось и поведение потерпевшей, предшествовавшее изнасилованию (легкомысленное, провоцирующее и т.д.).

При исследовании возраста потерпевших оказалось, что достаточно велик удельный вес несовершеннолетних потерпевших - 57,8 %. Согласно литературным данным, аналогичная картина наблюдается и в других регионах страны: так, по данным Я. Яковлева, их доля составляет 20,7 % /1, с. 224/, А.Игна-

това - 40,0 % /2, с. 94/, А. Герцензона - 49,0 % /3, с.83/, по данным Института Прокуратуры СССР, - 39,5 % /4, с. 197/.

Большой удельный вес несовершеннолетних по делам об изнасиловании следует воспринимать как серьезный сигнал, свидетельствующий о повышенной общественной опасности данного вида преступлений и об актуальности обеспечения защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних девушек в нашей республике. Косвенно свидетельствуют об этом и результаты исследования доцента кафедры педагогики ТГУ Х. Курм. Она отметила, что 61,5 % трудновоспитуемых девушек (воспитанниц спецпрофтехучилища) имели половую связь до шестнадцатилетия, а 26,2 % из них - в возрасте 12-13 лет /5, ст. 42/.

Большой удельный вес несовершеннолетних потерпевших по данным нашего исследования, объясним также большим процентом несовершеннолетних преступников (30,6 %).

Нами были исследованы и интервалы возраста потерпевших и преступников. Оказалось, что в 58,4 % случаев преступники были старше потерпевших, в 35,3 % - моложе, а в 6,3 % случаев - одинакового возраста.

Факторный анализ показал, что возраст потерпевшей - это центральное звено цепи прочих признаков. Так, было выявлено, что групповые изнасилования совершаются в отношении младшего контингента потерпевших, а на потерпевших более старшего возраста нападают одиночные преступники.

В то же время состояние опьянения преступника характерно для нападения не на несовершеннолетних, а на совершеннолетних потерпевших. Среди несовершеннолетних преступников, в свою очередь, гораздо больше трезвых, чем среди взрослых.

Большое количество несовершеннолетних потерпевших по делам об изнасиловании обуславливает необходимость расширения профилактической работы в школах путем повышения уровня сексуального воспитания. Судебная практика позволяет сделать вывод о том, что свойственные несовершеннолетним любопытство, жажда приключений, доверчивость и подверженность влиянию являются факторами, способствующими возникновению преступной ситуации, а после этого - совершению изнасилования несовершеннолетней.

С возрастом потерпевших тесно связаны их социальное положение и род занятий. Доминирующую позицию среди потерпевших занимают учащиеся (студенты) - их 47,8 %. Контин-

гент работниц села (колхозниц, работниц совхозов) наиболее малочислен - 4,3 %, невелик и удельный вес служащих - 7,5 %.

Наряду с учащимися среди потерпевших больше рабочих - 29,3 %. Контингент не работавших и не учившихся потерпевших (в основном, искавших случайных знакомств) составлял 13,2 %.

Состояние опьянения потерпевшей в качестве обстоятельства, способствующего совершению изнасилования, у нас привыкли преувеличивать. Факты же показывают, что только 12,9 % потерпевших находились в состоянии алкогольного опьянения, в том числе 6,4 % в тяжелой степени опьянения и 12,4 % потерпевших выпивали непосредственно перед совершением преступления вместе с преступником (таким образом почти все нетрезвые потерпевшие употребляли спиртное в обществе будущего преступника).

Однако основную массу потерпевших составили все же трезвые лица (более 87,0 %).

Исследование также показало, что наличие семьи и детей обладает для женщин значительным так называемым антивиктимным воздействием.

Среди потерпевших было 81,4 % незамужних, детей не имели 88,6 %. Хотя это в значительной мере объяснимо и юным возрастом потерпевших (ведь более половины из них - несовершеннолетние), в отношении взрослых это можно объяснить следующим образом: женщина, имеющая семью, и в особенности детей, не имеет обычно возможности находиться в таких компаниях или попадать в такие ситуации, при которых в их отношении возможно совершение нападения.

По месту работы или учебы потерпевшие в основном характеризовались удовлетворительно или положительно, лица с отрицательной характеристикой составили лишь 13,3 %.

Как и следовало ожидать, национальность потерпевших существенной роли при совершении изнасилования не играла.

Распределение потерпевших по национальному признаку почти полностью соответствует национальной структуре всего населения республики (проводилось сравнение с данными переписи населения), причем доля представителей коренной национальности среди потерпевших оказалась на 2,1 % ниже таковой в структуре населения.

Как в целях предотвращения преступления, так и в целях его оперативного раскрытия необходимо знать характер взаи-

отношений между потерпевшей и преступником, степень их знакомства. При совершении посягательства на кого-либо из близких преступник имеет ряд преимуществ - такие преступления проще совершать и проще скрыть (путем воздействия на потерпевшую шантажированием, особенно в отношении малолетних потерпевших). Поэтому мы считаем целесообразным считать *de lege ferenda* посягательство в отношении близкого родственника, члена семьи при назначении наказания отягчающим обстоятельством. Это продиктовано практикой, что подтвердило и настоящее исследование. Сравнительно большой процент потерпевших (14,3 %) являлись родственниками преступников, в том числе 11,1 % - близкими родственниками. Совершенно незнакомые среди потерпевших составили 58,2 %, знакомые - 24,0 %.

В личной или материальной зависимости от преступника находилось 11,8 % потерпевших.

В 33,1 % случаев изнасилование было совершено в жилых помещениях, из них 37,5 % - в квартире (в комнате общежития) осужденного, 10,2 % - в квартире (в комнате) потерпевшей.

Анализ характера насилия и вида нанесенных потерпевшим телесных повреждений дал следующие результаты. Вообще никаких телесных повреждений не было нанесено в 29,7 % случаев.

Это является веским доказательством того, что факт насильственности полового акта возможно доказать и при отсутствии признаков физического насилия. Психическое насилие, а также нахождение потерпевшей в беспомощном состоянии не влекут телесных повреждений. Следовательно, ошибаются те потерпевшие (или родители несовершеннолетних потерпевших), которые не сообщают об изнасилованиях власти только лишь из-за отсутствия видимых повреждений.

В большинстве случаев у потерпевших имеются кровоподтеки, царапины, повреждения половых органов (65,8 %). Смерть потерпевшей наступила в 1,1 % случаев. Однако угрозой убийством является достаточно распространенной формой применения насилия (30,3 %) - как в виде ясно выраженной словесной угрозы, то есть психического насилия, так и в виде угрожающих действий - удушения за горло (14,3 %).

Основными средствами насилия являются руки, в том числе кулаки преступника (88,2 %). Случайные предметы использовались в 2,5 % случаев, а огнестрельное оружие - лишь

в 0,2 % случаев.

Анализ следственной практики показал, что если в отношении потерпевших судебно-медицинская экспертиза была проведена в отношении всех без исключения потерпевших, то в отношении подозреваемых (обвиняемых) такая экспертиза часто не проводилась. Этот недостаток в работе следственных органов следует устранить.

В предшествовавшей совершению преступления ситуации легкомысленное или провоцирующее поведение наблюдалось в 17,1 % случаев. Это выражалось в совместном употреблении спиртного в обществе малознакомых мужчин (12,4 %), нахождении потерпевшей в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, а также в наивности и излишней доверчивости. Мы пришли к выводу о том, что нет оснований для предусмотрения специального состава преступления для случаев, когда легкомысленное, провоцирующее поведение потерпевшей является побуждающим преступление фактором.

Хотя такая теория и имеет своих приверженцев /6, с. 30/, судебная практика нашей республики придерживается той точки зрения, что достаточно учитывания этого обстоятельства при определении меры наказания в качестве смягчающего ответственность обстоятельства конкретного дела.

Подчеркивание "вины" потерпевшей как признака состава преступления превратилось бы в своеобразное моральное оправдание преступника, что недопустимо.

Результаты представленного исследования используются в следственной и судебной практике, а также в мерах по профилактике рассматриваемого вида преступлений в республике.

И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а

1. Яковлев Я. М. Половые преступления. - Душанбе: Ирфон, 1969.
2. Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений. - М.: Юрид. лит., 1974.
3. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. - М.: Юрид. лит., 1970.
4. Личность преступника. - М.: Б. и., 1971.
5. Курм Х. Путь развития трудновоспитуемых девочек (на эст. яз.)//О преступности несовершеннолетних и ее предупреждении/Сост. К. Киммель. - Таллин: Ээсти Раамат, 1966.

6. Минская В. С. Опыт виктимологического изучения изнасилования // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юрид. лит., 1972. - Вып. 17.

Victim in Cases of Rape
(On the basis of Court Material of the Estonian SSR)

S u m m a r y

The present paper provides a summary of generalized court material on our republic where during an extensive period of time 532 victims were analysed.

The victim was studied on the basis of the demographical and socio-cultural signs, as well as according to her relations with the criminal, the character of violence and degree of injury (15 signs all in all).

It appeared that the relative role of the minors among the victims is rather high - 57,8 %. It is partly due to the young age of the criminals, among whom 30,6 % were under age.

The percentage of victims who are unoccupied was 13,2, the contingent seeking for casual relationships mainly. 12,9 % of victims were inebriated, among them 6,4 % heavily inebriated. 12,4 % of the victims had used alcohol together with the prospective criminal.

The analysis showed that the existense of family had a great anti-victimogenesis effect on the victim - 81,4 % of the victims were single, 88,6 % had no children.

13,3 % of the victims had negative characteristics. The victims thoughtless and provocative behavior was observed in 17,1 % of the cases.

The results of the generalization are used in the prophylaxis of the given category of felony.

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 756.
ПОСТЫПЕНИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ).
Труды по правоведению.
На русском языке.
Реsumé на немецком и английском языках.
Тартуский государственный университет.
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Вийксели, 18.
Ответственный редактор Р. Марусте.
Корректор И. Кянгс.
Подписано к печати 23.12.1986.
№ 10915.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 5,14. Печатных листов 5,5.
Тираж 500.
Заказ № 1049.
Цена 75 коп.
Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.